

Арина Теплова

КТИЧКА

18+

Талисманы судьбы

Арина Теплова

Птичка

«Автор»

2017

Теплова А.

Птичка / А. Теплова — «Автор», 2017 — (Талисманы судьбы)

Эксклюзивно. Только на ЛитРес. 1827 г. Российская империя. Дмитрий Скарятин — военный морской офицер, служит на благо Российской Империи. Бесстрашный, надменный красавец с титулом и состоянием, Дмитрий — желанная мечта всех незамужних дворянок Петербурга. Аглая — молоденькая дочь бедного купца из Кронштадта. Наивная и нежная, девушка мечтает об искренней большой любви. Однажды на берегу моря она невольно спасает раненого Скарятина и безумно влюбляется в него. Но сможет ли Дмитрий ответить девушке взаимностью? Вряд ли. Ведь Аглая нужна ему только в качестве любовницы, не более. Сможет ли Аглая смириться со своим положением красивой “игрушки” у ног Скарятина? Или решит найти свое счастье с другим? Каждая книга в серии "Талисманы судьбы" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог. Опасное задание	6
Часть первая. Благородный опал	11
Глава I. Ангел	12
Глава II. Именной кортик	18
Глава III. Любовница	28
Глава IV. Николай	42
Глава V. Тайный знак	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Арина Теплова

Птичка

Можно полюбить во второй и в третий раз... Но образ того, первого, неповторимого возлюбленного, который глубоко затронул сердце когда-то, будет навсегда выжжен клеймом в сердце...

Пролог. Опасное задание

Акватория Черного моря, близ берегов Абхазии,
1827 год, 3 мая

Русский военный бриг «Меркурий» совершил искусный маневр и оказался на траверзе у быстроходной бригантины, всего в сотне метров. Двухмачтовая бригантина с грязными белыми парусами и без опознавательных знаков прибавила ходу и вновь вознамерилась оторваться от русского военного судна. Однако уже через четверть часа корма «Меркурия» оказалась перед носом верткой легкой бригантины, закрывая ей путь.

– На бригантине! Определите свою принадлежность, под каким флагом идете?! – раздался в рупор громкий голос капитана Стройникова, что стоял на верхней палубе русского корабля.

Через пару минут напряженного молчания в ответ с бригантины раздался сильный пушечный залп. И в сторону «Меркурия» полетели смертоносные чугунные ядра, которые разрезали водную гладь рядом с русским кораблем, не задев его.

Военный бриг «Меркурий» в течение нескольких лет нес свою нелегкую службу в Черном море. Его стратегической задачей было крейсировать у берегов Абхазии и уничтожать браконьерские суда, которые нарушали водную границу с Российской империей, снабжая Османскую оружием и боеприпасами.

Дмитрий Скарятин, который находился на палубе левого борта русского военного брига, чуть прищурился, внимательно проследив за последним ядром противника, которое задело «Меркурий», сильно поцарапав деревянную обшивку корабля. Молодой человек хмуρο усмехнулся и повернулся к мичману Притупову, стоящему рядом.

– Кто бы сомневался в их ответе, – заметил Дмитрий и механически отряхнул рукой соленые брызги со своего военного кителя.

Когда дым рассеялся, Скарятин отметил, что матросы начали проворно и умело заделывать брешь в правом борту корабля.

– Лево руля! – раздался быстрый приказ капитана Стройникова. И штурман Прокофьев, который был у штурвала, ловко повернул корабль по приказу. – Полный вперед. Готовься к абордажной атаке!

Дмитрий криво оскалился в сторону бригантины, положив руку на рукоять палаша, и подмигнул Притупову. Русский бриг вплотную приблизился к бригантине и получил новый вражеский залп из орудий. В этот раз Скарятин и Притупов вынуждены были проворно отступить внутрь судна, ибо вражеское ядро просвистело мимо них и упало в воду. «Меркурий» дал наконец ответный залп по бригантине, выполнив очередной приказ капитана – целиться в мачту корабля.

– Видать, что-то ценное везут, – мрачновато заметил мичман Притупов, обращаясь к Скарятину.

Дмитрий, кивнув в ответ, проворно достал длинный кривой нож, который он некогда забрал у убитого турка.

– Сейчас проверим, – бросил ему в ответ Скарятин. Увидев, что левый борт «Меркурия» притиснулся к деревянной обшивке бригантины на минимальное расстояние, Дмитрий перепрыгнул на контрабандистское судно одним из первых. За ним последовал Притупов и другие матросы и офицеры. Скарятин сразу же отразил смертельный удар худощавого пирата, который целился кинжалом ему в сердце. Выкинув вперед руку с кривым ножом, Дмитрий умелым движением распорол плечо пирата. Тот вскрикнул от невыносимой боли и упал на палубу. В следующий миг Скарятин резко обернулся на звук выстрела, и пуля просвистела у него над

ухом. Стрелявшего в него темноволосого бандита оглушил Притупов концом мощного пистолета. Скарятин отдал честь мичману и бросился вперед по палубе бригаантины, устремившись к рулевой рубке.

Абордажная атака была стремительной. Уже спустя полчаса бригаантина оказалась в руках русских моряков. Большого кровопролития не случилось. Ибо сразу же было убито несколько главарей контрабандистов. Остальные матросы без боя сдали судно, почти не оказав сопротивления. Со стороны русских оказалось только два легко раненых матроса.

Оставив несколько десятков человек под руководством мичмана Притупова на верхней палубе для перемещения пленных контрабандистов на «Меркурий», Стройников ходил туда-сюда, определяя, большие ли пробоины получила бригаантина. Капитан намеревался плененный корабль отбуксировать в Севастополь. Дабы затем после ремонта тот служил под флагом Российской империи.

Спустя некоторое время Стройников дал приказ нескольким матросам и двум офицерам, в том числе и Скарятину, следовать за ним на нижнюю палубу для дальнейшего осмотра судна. Спустившись в трюм, русская команда нашла пороховой склад с ружьями, пушками и боеприпасами. Именно с этого места они услышали едва различимые людские голоса. Пройдя дальше, в конец трюма, русские заметили еще одну дверь с замками. Едва взломав их и войдя внутрь затхлого сырого помещения, они с удивлением обнаружили несколько дюжин пленников. Десяток женщин, около тридцати мужчин и двое детей сидели прямо на гнилом влажном полу. Пленники прижимались друг к другу и болезненно щурились от света факелов, которые держали в руках вошедшие русские.

Видимо, не ожидая спасения, люди не сразу поняли, что произошло. Лишь после нескольких фраз капитана Стройникова о том, что узникам нечего бояться, ибо теперь корабль находится под протекторатом русского военного ведомства, несколько женщин заплакали навзрыд. Скарятин и другие члены экипажа начали быстро освобождать пленников от железных цепей, которыми те были прикованы к борту трюма. Освобожденные люди, плача и сбиваясь в своих речах от усталости и голода, объяснили, что их везли в Стамбул для продажи в рабство. Многие говорили на славянском языке. Восемнадцать человек из них были подданными России, в их числе и семь женщин с двумя малолетними детьми.

Стройников, смущенный видом отчаявшихся людей, которые теперь дико голосили и обнимали своих спасителей, громко произнес:

– Все вы свободны. Мы можем доставить вас в Севастополь. Оттуда вы сможете направиться в свои родные края. Если получится, русское морское ведомство выдаст вам на первое время одежду и немного денег. Я лично похлопочу об этом...

Российская империя, остров Котлин, Кронштадт,
1827 год, Июнь 2, вечер

Они преследовали его уже четверть часа, еще с северной водной границы города. С ожесточением хлеща плеткой своего гнедого жеребца, Дмитрий обернулся. Как и раньше, преследователей было трое. Хмуро оскалившись, Скарятин вновь обратил взор вперед. Край обрыва возник неожиданно. Темный Финский залив, озаряемый последними лучами красного солнца, заставил его похолодеть. Видимо, он ошибся и свернул не в тот проулок и теперь, вместо того чтобы скрыться в городе, вновь выехал на берег острова. Резко осадив жеребца, дабы не упасть с обрыва вниз, он осознал, что придется драться. Всю дальнюю дорогу из Англии ему удавалось избегать схватки с преследователями, ибо он прекрасно понимал, что при потасовке его могут ранить, и тогда ценное тайное послание окажется в руках противников. Поэтому, получив от учителя четкие указания ехать инкогнито и по возможности избегать столкновений с возможными преследователями, Дмитрий всю дорогу старался следовать его наставлениям.

Мгновенно оценив ситуацию и поняв, что залив не лучшее место, где можно укрыться, Скарятин поскакал в сторону, надеясь найти более пологое место для спуска к воде. Там, на берегу, ему, возможно, удастся отыскать лодку, чтобы уплыть и оторваться от преследования. Уже через несколько метров он стремглав направил своего жеребца вниз, не разбирая дороги, отчетливо осознавая, что каждый миг приближает к нему преследователей. Его конь, спотыкаясь и едва не падая, галопом спустился вниз с утеса, и уже через минуту Дмитрий поскакал по каменистому берегу залива. Резко задрав голову, он отметил, что они уже на краю обрыва. Три черные фигуры верхом на лошадях отчетливо виднелись на фоне мрачного неба. Он прищипорил коня, видя, как один из мужчин вытащил пистолет и прицелился. Понимая, что он отличная мишень, Скарятин, всадил шпоры в бока скакуна, дабы ускорить галоп. Раздались выстрелы. Тут же почувствовав, что плечо налилось невыносимой болью, Дмитрий стиснул зубы, сильнее сжав поводья. В следующий миг он ощутил, как конь запнулся. Не удержавшись, мужчина вылетел из седла и рухнул на твердый грязный песок, сильно ударившись бедром. Жеребец упал рядом, и Скарятин, тряхнув головой, молниеносно заставил себя встать, поняв, что конь смертельно ранен. Снова раздались выстрелы. Почувствовав тупую боль от пули уже в лодыжке, Скарятин вновь рухнул на землю, на несколько мгновений потеряв сознание.

Когда он пришел в себя, они уже были рядом. Повернувшись на спину, Дмитрий прищурился, видя, что они стоят над ним. Их лица в черных масках вызвали в нем чувство злости. Он ощущал, что теперь, раненый, явно проиграет в схватке. Однако был еще шанс. Дмитрий потянулся к пистолету, спрятанному в кобуре. Едва вытащив оружие, он тут же получил болезненный удар по руке. Выронив пистолет, он оскалился, словно зверь, понимая, что он у них в руках.

– Письмо... – отчеканил свинцовым голосом один из них. Скарятин побледнел, но на его лице не дрогнул ни мускул. Он прекрасно знал, что им надо. – Отдай письмо... – Дмитрий, чуть приподнявшись на локтях, мрачно смотрел на них и молчал. – Обыщи его... – скомандовал все тот же.

Второй наклонился над ним. И тут же получил мощный удар кулаком в лицо от Скарятина. В ответ Дмитрия сильно приложили по голове, видимо, рукояткой пистолета, и он снова потерял сознание. Однако, когда пришел в себя и открыл глаза, он понял, что его уже обыскали и ничего не нашли. Отметив, что идея учителя выбить слова на оборотной стороне пуговиц камзола была отличной, он злобно оскалился в лицо противникам. Дмитрий понимал, что они не убьют его, пока не найдут то, что им надо. И приготовился, напрягшись всем телом.

В следующий миг один из всадников в черных масках вытащил нож и со всего размаха всадил лезвие в бедро Скарятина. Сжав зубы, Дмитрий сдержал невольный крик боли и лишь сильнее побледнел.

– Где послание... Говори! – проскрежетал один из мужчин.

С ненавистью смотря в глаза мучителю, Дмитрий плюнул ему в лицо.

Злобно оскалившись, человек в черном, не вынимая нож из раны, повернул его на девяносто градусов в бедре Дмитрия. От невыносимой боли у Скарятина выступил холодный пот на лбу. Но ни жестом, ни словом он не показал, как ему больно. Лишь сильнее напрягшись и собрав силы, Скарятин мрачно смотрел в лицо противника, наклонившегося над ним. Резко отстранившись от Дмитрия, первый вытащил нож из его бедра. Дмитрий почувствовал, как нога горит жгучим огнем.

– Не скажет... – сказал третий, ударив Скарятина ногой в живот. Дмитрий чуть согнулся.

– Тогда дышай... – добавил первый и направил на Скарятина дуло пистолета.

– Кто-то идет, – заметил второй, придерживая руку первого. – Не стреляй, услышат.

– Уходим, – произнес третий, высматривая что-то из-за кустарника. Посмотрев на распростертого перед ними Скарятина, который, истекая кровью, злобно глядит на них, он велел второму: – Кончай с ним...

Двое быстро направились к лошадям, а третий, оставшись с Дмитрием один на один, резко вытащил нож, занес его над раненым. Но Скарятин, собрав все свои силы, выкинул руку вперед и резко выбил из руки противника холодное оружие. Мужчина выругался и хотел ударить Дмитрия, но Скарятин пнул его ногой в бедро. Мужчина пошатнулся и от силы удара упал на колени. В ответ он нанес Скарятину два сильных удара в лицо, тем самым оглушив. Дмитрий, вновь на миг потеряв сознание, распростерся на грязном песке. А его противник потянулся к ножу, который лежал в нескольких шагах от него. В этот момент раздался раздраженный возглас первого, который уже сидел верхом на лошади:

– Поехали! Сюда идут! Оставь его!

Третий, окинув неподвижно лежащего на земле Скарятину ненавидящим взглядом, быстро поднял нож. Хромая, он как можно скорее поковылял к своей лошади и только со второго раза смог взобраться на нее.

– Истечет кровью и подохнет, – бросил первый одному из своих, прищипывая кобылу. – Вряд ли его найдут в этом кустарнике.

Всадники быстро поскакали в сторону утеса, дабы скрыться от посторонних глаз как можно скорее.

Дмитрий пришел в себя через какое-то время. Открыв глаза, он заметил, что мучители исчезли. Ощущая, что его правая нога вся изранена, а плечо горит огнем, он сжал зубы и приподнял голову, пытаясь понять, где находится. Он лежал недалеко от воды, в небольших зарослях орешника. Протянув здоровую руку, ощупал раненое бедро. Посмотрев на ладонь, которая была вся в крови, Скарятин осознал, что ему нужна помощь, и как можно скорее. Иначе уже через час он умрет от потери крови, ибо три раны на его теле оставались открытыми. Он попытался привстать на локтях, но силы оставили его, и Дмитрий вновь тяжело рухнул на песок, прямо лицом вниз. Выругавшись, он с ожесточением осознал, что сам не сможет подняться. И вряд ли кто-то увидит его в этом пустынном месте на берегу залива. Он чуть прикрыл глаза и начал лихорадочно размышлять, что делать. Его мутный взгляд невольно упал на серебряный перстень с опалом, что был на его безымянном пальце. Белый благородный камень стал серым, будто предчувствуя его смерть.

Скарятин вспомнил, как восемь лет назад он получил перстень-амулет от своего учителя. Слова наставника до сих пор звучали в ушах Дмитрия: «С этого дня ты даешь обет служения. Надень этот перстень на руку. Отныне это символ твоего служения и покорности нам. Благородный опал могут носить только самоуверенные и сильные люди, ибо он опасен для слабых. Но ты, наш тайный служитель, бесстрашен и отважен, оттого этот камень будет лишь усиливать твои качества и оберегать тебя... Ты будешь неуязвим для своих врагов... и станешь нашим тайным посланником в России...»

Однако по легенде, которая прибыла к нам с этим благородным опалом, есть некий могущественный воин, который может ослабить силу камня. Светловолосый, с черными глазами и отметиной в виде латинской буквы S, этот воин опасен для опала так же, как и для тебя, ибо отныне твоя жизнь связана с камнем. При приближении этого опасного воина камень изменит свой цвет и станет черным. Ты должен бежать от этого светловолосого мужа, ибо проиграешь в схватке с ним, и твое служение нам окажется под угрозой и не только... Этот воин имеет силы не только завладеть твоими мыслями, но и полностью подчинить твою сущность в угоду себе...»

И сейчас опал как будто чувствовал, что Дмитрий умирает, и, видимо, не мог защитить его, ибо стал темнеть. Дмитрий осознал, что надо как-то вновь подняться на утес. Ибо там шанс, что его найдут, гораздо больше. Но сил не было. Он вновь сосредоточился и, собрав силы, попытался встать. Удалось лишь приподняться на локтях.

Ему вдруг показалась, что он слышит мелодичный напев. Скарятин напряг слух и потряс гудящей головой. Так и есть, где-то рядом пела женщина. Он медленно повернулся и чуть

выполз из зарослей, ближе к воде, на звук приятного голоса. У края соседней скалы он увидел силуэт в длинном простом платье, девушка шла по берегу. Поняв, что это его последняя надежда на спасение, Скарятин, стиснув зубы, из последних сил пополз в ее сторону.

Каждое движение отдавало дикой болью в ранах, но Дмитрий с яростным оскалом на губах полз и полз, не спуская напряженного взгляда с фигуры женщины, что шла по берегу в его направлении. Почти теряя сознание, он опирался на здоровую руку, перемещая ее вперед, и подтягивал свое тело...

Часть первая. Благородный опал

Я хочу быть последней женщиной,

Окончательной, заключительной,

Не уболтанной, а обвенчанной,

Ясным светом твоей обители...

Виктория Савицкая

Глава I. Ангел

Россия, Кронштадт, 1827 год, Июнь 2, вечер

Когда Скарятин пришел в себя и открыл глаза, он увидел над собой прелестное лицо девушки. Она склонилась, внимательно глядя на него огромными бархатными глазами цвета темного ореха. Тонкие миловидные черты ее овального лица, чувственные губы, алые щеки, мягкий взгляд с поволокой, светлые косы показались Дмитрию слишком прекрасными, чтобы принадлежать обычной женщине.

– Ангел... – прошептал он, внимательно глядя на незнакомку, которая неотрывно смотрела на него. Он так и лежал на земле. Скарятин попытался приподняться, и тут же к нему вернулась боль. Он глухо застонал, сжав челюсти от напряжения. Не спуская взора с лица девушки в белом платье, он произнес: – Помогите мне...

Молодой мужчина вновь потерял сознание и безжизненно упал на песок. Глаша охнула, подумав, что он, возможно, умер. Она порывисто склонилась ниже, прислушиваясь к его сердцу. Тяжелое болезненное дыхание со свистом вырывалось сквозь его приоткрытый рот, и это немного успокоило ее. Бросив заинтересованный взгляд на большое неподвижное тело в темном военно-морском мундире, она начала более тщательно рассматривать его. Камзол на груди был весь в крови, так же, как и правая нога. Рассеченный висок и болезненный оскал губ говорили о том, что он сильно ранен.

Его лицо, красивое, мужественное, волевое, с твердыми высокими скулами, гордыми крыльями носа, притягательными полными губами, обрамленное черными волнистыми волосами, заставило ее задрожать всем телом. Девушка ощущала, как сердце отчего-то бешено стучит, а в горле пересохло. Ей безумно захотелось помочь этому незнакомцу, которого она нашла на берегу несколькими минутами ранее.

Более не мешкая, Глаша быстро поднялась на ноги и, высоко подняв юбки, дабы они не мешали, бегом устремилась к узкой тропинке, которая вела на утес. Ловко взобравшись по неровной дороге на вершину, девушка бросилась дальше по направлению к первым небольшим избам, стоящим на окраине городка. Менее чем через четверть часа она оказалась на одной из центральных улиц города, у деревянного двухэтажного строения. Влетев в отчий дом и проигнорировав вопрос старой тетки Матрены, Глаша вбежала в убогую гостиную с зелеными выцветшими шторами.

Ее старый отец сидел у камина, грея руки. Было видно, что он только что вернулся из лавки, где пробыл весь день, и теперь, устало откинувшись на стуле, курил трубку.

– Отец, мы должны помочь ему! – воскликнула девушка прямо с порога. Михаил Емельянович хмуро посмотрел на дочь.

– Чего голосишь, сорока? – проворчал он, не понимая, отчего дочь Аглая так возбуждена.

– Он ранен и может умереть! Его надо забрать к нам и доктора позвать! – на одном дыхании произнесла девушка, останавливаясь напротив отца.

– Да кто он-то? – уже недовольно спросил Кавелин.

– Офицер! Я нашла его там, на берегу, – выпалила девушка, заламывая руки. – Скорее, прошу вас. Надо телегу запрячь!

– Опять, что ли, шаталась невесть где? – пробубнил отец. – Я тебе уже говорил, Аглая, чтобы ты дома сидела да Матрене помогала по хозяйству. А ты опять?

– Отец, вы не понимаете, он ведь умрет! – воскликнула Глаша.

– И что ж? Мне какое до этого дело? Я устал и хочу спокойно потрапезничать и отдохнуть, – он вновь отвернулся от девушки и откинулся на стул.

Глаша стояла, нервно перебирая в голове доводы, которые могли бы заставить ее отца помочь раненому. И тут ее осенило.

– У него есть ценные вещи и мундир из дорогой ткани. Наверняка он дворянин. Отец, вам же нужны деньги. Я думаю, что он щедро расплатится с вами, если мы поможем ему, – выпалила девушка. Кавелин вновь обернулся к дочери и прищурился.

– Говоришь, выглядит как дворянин? – спросил он недоверчиво.

– Да, да, – закивала Аглая. Михаил Емельянович долго внимательно смотрел на дочь и лишь спустя минуту прокричал:

– Ванька! – Появился троюродный племянник Кавелина. Высокий угловатый парень с рыжими волосами. – Запрягай телегу. Поедешь с Глашкой к морю. Там офицер, раненый. Она покажет тебе. Привезешь его к нам. Да Матрене вели, чтобы пока за доктором сбегала.

– Спасибо, отец! – воскликнула Глаша и, почти неучтиво подталкивая Ваньку к выходу, исчезла с ним из гостиной.

Отец Глаши был купцом третьей гильдии. Он держал скобяную лавку в соседнем доме и все дни напролет проводил именно там. У Кавелина не было сыновей, лишь две дочери, Наталья и Аглая. Покойная жена Кавелина, Алина Сергеевна, происходила из семьи бедных разорившихся дворян. Только из-за нужды выйдя замуж за Михаила Емельяновича, Алина Сергеевна, мать Глаши, терпела много несправедливости от мужа. Матушка Глаши была красива, утонченна, хорошо воспитана и в девичестве даже вращалась в высшем обществе. Однако Кавелин, будучи приземленным и недалеким, не мог по достоинству оценить Алину. Явно воспользовавшись ситуацией, когда отец Алины оказался в долговой яме, он склонил ее к браку. Да, Михаил Емельянович любил Алину и первое время даже боялся прикоснуться к красавице-жене, которая была слишком хороша для него. Однако вскоре он стал требовать от нее ответного чувства. Но Алина Сергеевна не могла полюбить простого невзрачного купца-торговца. Кавелин злился, постоянно пребывая не в духе, ибо Алина Сергеевна оставалась холодна к нему. Когда родились их девочки, Наталья и Аглая, названные изысканными дворянскими именами по просьбе Алины Сергеевны, Кавелин вновь негодовал. Он хотел сыновей, и дочери ему были ни к чему. Ибо его дело, скобяная лавка, должно было быть передано сыну. К тому же доктор сказал, что Алина Сергеевна не сможет больше родить, и Кавелин окончательно возненавидел жену.

Мать Глаши прожила в браке недолго. Когда девочкам было пятнадцать и тринадцать, она умерла от сердечного приступа. Однако за те пятнадцать лет, что была рядом с дочерьми, Алина Сергеевна смогла, несмотря на недовольство мужа, воспитать девочек по-своему. Она научила их читать, говорить по-французски, петь, даже немного танцевать. Втайне от мужа она покупала им красивое белье, учила правильно, красиво говорить и вести себя за столом, как это полагалось в великосветском обществе. Она всегда повторяла:

– Истинная женщина должна оставаться утонченной и изысканной, даже если она живет в избе.

Все эти уроки и манеры, которые прививала Алина Сергеевна дочерям, сильно не нравились Михаилу Емельянычу. Ибо он считал, что простой девке, дочери купца, незачем знать французский и музыку. Наташа и Аглая обожали свою нежную печальную мать и во всем слушались ее, иногда даже наперекор отцу.

После смерти Алины Сергеевны нрав Кавелина стал еще злее. Оттого старшая Наталья, только ей исполнилось шестнадцать и подвернулся подходящий жених, титулярный советник из Москвы, быстро покинула отчий дом. А Глаша, хоть и была гораздо красивее своей сестры, все сидела в девках. Отец то и дело заставлял двадцатилетнюю дочь выбрать жениха, но Аглая твердила, что никто из соседских парней ей не нравится.

Сейчас в доме Кавелина еще жили Матрена, старая тетка Михаила Емельяновича, которая помогала Глаше по хозяйству, да его троюродный племянник, Иван. За неимением сыно-

вей Кавелин уговорил свою сестру из Калуги прислать к нему одного из пяти сыновей, дабы после своей смерти передать дело. Иван, долговязый невзрачный парень с тусклым взглядом, явно хотел угодить дяде и беспрекословно слушался его во всем. Кавелин же, довольный, что нашел наконец преемника, относился к Ивану почти как к сыну.

Когда Иван и его друг Петр, кряхтя, внесли раненого Скарятин в избу, положив его на скамью, Кавелин критически осмотрел военного. По дорожному камзолу, сшитому из добротного сукна, и оружию, которое было при нем, Михаил Емельянович определил, что офицер не из простого сословия. В голове купца сразу же возникла мысль о том, что он может хорошо подзаработать, как и предрекала ему дочь.

Вначале раненого, который так и находился без сознания, оставили на лавке до прихода доктора. Затем земский врач после часовых манипуляций вытащил пули из плеча и голени больного и с помощью Глаши отмыл молодого человека от крови и перевязал. На бессознательного Скарятин надели длинную рубаху Ивана и переложили в небольшую комнатку, рядом с гостиной. Офицер так и не приходил в себя, и вскоре у него начался жар.

Почти всю следующую ночь больной бредил и ворочался на постели, что-то неразборчиво шепча. Глаша, которой отец позволил смотреть за раненым, вытирала его лицо холодной мокрой тряпкой и следила, чтобы молодой человек не упал с кровати. Наутро Скарятин забылся тяжелым сном и громко захрапел. Глаша, отметив, что офицеру стало лучше, ибо его тело уже не горело так сильно, направилась в свою горницу, чтобы отдохнуть, и несколько часов проспала.

Затем весь день девушка хлопотала по дому и то и дело заглядывала в комнату к раненому офицеру, проверяя, не пришел ли он в сознание. Около полудня вновь явился доктор, которому Кавелин заплатил пять рублей за визит, и сказал, что больной, скорее всего, выживет, благодаря крепкому телосложению и отменному здоровью. Уходя, доктор заметил, что будет ежедневно приходить на перевязки.

Только к вечеру Скарятин пришел в себя. Едва заслышав скрип кровати через открытую дверь, Глаша поспешила к раненому. Когда она приблизилась к молодому человеку и наклонилась над ним, в нее вперились яркие голубые глаза, выразительные и невозможно притягательные. Девушка тут же смутилась и опустила взгляд. Она быстро отстранилась от раненого и, засуетившись, намочила тряпку, поднеся ее к лицу Скарятин.

– А я было подумал, что вы мне привиделись, – морщась от сильной боли в бедре, произнес Дмитрий, не спуская взгляда с прелестной девушки, которая протирала его лицо влажной тканью. Ее волосы были собраны в две толстые косы, которые умело оборачивались вокруг головки. Весьма необычная притягательная красота юной девушки до крайности заинтересовала Дмитрия.

– Доктор велел вам молчать, ваше благородие, – произнесла Аглая, смущенная его настойчивым оценивающим взглядом.

– Где моя одежда? – спросил он хрипло, пытаясь приподняться.

– Я выстирала ее. Она здесь, на лавке, – пояснила девушка, указав на аккуратно сложенный мундир, штаны и рубашку.

– Хорошо... – облегченно прошептал больной и вновь откинулся на подушку, ощущая, что его тело словно одна сплошная рана. Однако взгляд его все еще скользил по девушке, которая хлопотала рядом.

Наконец она отошла, убирая миску с водой, и устремилась в горницу, что была за приоткрытой дверью. Дмитрий следил за девушкой уже через открытую дверь, пока она перемещалась по комнате, что-то убирая со стола. Он оценил стройный соблазнительный стан девушки и притягательный наклон ее светловолосой головки. Простой серый сарафан без украшений, белая сорочка с широкими рукавами нисколько не украшали ее. Однако в ней чувствовалась

порода, изысканная грация, словно она случайно оказалась в этой убогой обстановке. Ее движения, плавные, чувственные и призывные, невольно притягивали взгляд Дмитрия. Она была чуть выше среднего роста, с тонкими руками и округлыми плечами. Узкая талия отчетливо выделялась на фоне округлых бедер, которые угадывались под юбкой.

В какой-то миг светловолосая прелестница скрылась от его заинтересованного взгляда, и Дмитрий поморщился от ноющей боли, про которую на время забыл, изучая девушку. Глаша вновь появилась на пороге его маленькой комнатки и спросила:

– Может, кушать хотите? Щи поспели, и пирог с рыбой готов.

Дмитрий довершил изучение девушки, стоящей перед ним, отметив, что ее грудь довольно выпукла и высока. Широко улыбнувшись ей, он произнес:

– Пожалуй, щи я с удовольствием попробую.

Глаша смутилась от его горящего нагловатого взгляда и быстро поспешила к печи. Спустя несколько минут она помогла Дмитрию сесть на постели, чуть приподняв подушки. А затем держала миску у его лица, чтобы он мог здоровой рукой есть наваристые щи. Для тяжело раненого у Скарятин оказался отменный аппетит, и Дмитрий попросил добавки. После еды он устало откинулся на подушку, но не лег, а оперся на руку. Видя, что девушка поспешила в горницу с пустой миской, он окликнул ее:

– Спасибо вам, заботливая птичка...

Глаша резко повернулась и испуганно воззрилась на него. Коварная и невозможно притягательная улыбка на красивом лице молодого человека вконец смутила ее, и она выронила миску из рук. Благо та была деревянной и не разбилась. Глаша ахнула и тут же подняла ее с пола. Однако Дмитрий, отчетливо заметив смущение девушки, все же продолжил свою зазывную речь:

– Я так понимаю, именно вам я обязан своим спасением? – Глаша, глупо прижимая пустую миску к белой рубашке, медленно кивнула. – Я знал, что столь прелестное создание должно быть обязательно добрым, – грудным голосом произнес Скарятин и вновь улыбнулся ей. Глаша начала пятиться к двери, чувствуя дрожь в ногах и ощущая, что ее щеки горят от его взгляда. – Дмитрий Петрович Скарятин, – представился он, чуть наклонив голову. – А я могу узнать имя своей спасительницы? – спросил ласково Дмитрий, так и не спуская с ее личика заинтересованного взгляда.

Пересохшее горло Глаши не дало ей нормально сказать, и она одними губами прошептала:

– Аглая Михайловна...

Нахмурившись, Дмитрий переспросил:

– Как, простите? Я не расслышал.

– Аглая Михайловна, – прокашлявшись, ответила девушка уже более уверенным голосом. Дабы избежать дальнейших вопросов офицера, она быстро ретировалась, слышав, что домой вернулся отец.

Дмитрий с сожалением проводил девушку взглядом, прищурившись, и переключил свое внимание на раненую руку. Он попробовал ее поднять, но ощутил острую боль в плече. Сжав зубы, дабы не застонать, он опустил руку и прикрыл глаза.

Едва Скарятин появился в доме Кавелиных, жизнь Глаши переменилась. Теперь с самого утра она подолгу приводила себя в порядок, тщательно убирала волосы в косы вокруг головы, надевала свои лучшие юбки и кофточки, которые обычно носила по церковным праздникам, постоянно кусала губы, дабы они были ярче, и вообще стала постоянно смотреться в зеркало. И все оттого, что ей очень хотелось, чтобы молодой офицер заметил ее красоту и, возможно, обратил на нее внимание. Конечно, Глаша понимала, что у нее мало шансов привлечь этого изысканного, богатого, мужественного, притягательного и немного высокомерного дворянина.

Ведь девушка прекрасно осознавала, что она всего лишь дочь купца. Но все же сердце дико стучало, едва она приближалась к молодому человеку. А в горле пересыхало только от одного взгляда его глубоких голубых глаз.

Раньше Глашенька никогда не испытывала ничего подобного. Признания в любви соседских парней ее никогда не волновали, а знаки внимания других мужчин она быстро забывала, ибо все они были безразличны девушке. Оттого вся улица сплетничала о красоте и холодности купеческой дочки Кавелина. И до сих пор, до двадцати лет, никому из женихов не удавалось завоевать расположение Глаши.

И вот теперь девушка впервые ощутила, как ее сердечко наполнено поглощающим страстным чувством любви к раненому офицеру, которого она нашла на берегу залива. В первые дни Глаша не понимала, что с ней происходит и отчего ее сердце стучит, словно у зайца, когда она помогает доктору перевязывать раненого, приносит еду Скарятину или ухаживает за ним. Но уже через несколько дней девушка отчетливо осознала, что влюблена в красивого эффектного офицера. Манкий взгляд Скарятин, его бархатный баритон, теплые улыбки, которые он с щедростью дарил ей, давали надежду на то, что и она приглянулась ему. Он постоянно пытался задеть ее руку или локоть, когда она подавала ему еду и помогала сесть. Ласково говорил с ней, заглядывая в глазки, и как-то делано вздыхал, когда она испуганно быстро уходила. Эта некая невидимая любовная игра до предела распалила Глашу, и она словно под гипнозом его манящих глаз и сама пыталась подольше побыть в обществе Скарятин.

Однако уже через шесть дней, когда доктор заявил, что перевязки более не нужны и раненый скоро поправится, Дмитрию отчего-то стало хуже. Он начал жаловаться, что все его раны невыносимо ноют и он чувствует ломоту во всем теле. Вновь пришел доктор и выписал настойки от болей, заметив, что раны молодого человека на удивление хорошо затянулись. В тот же вечер, когда Глаша принесла больному еду, он вдруг попросил:

– Вы могли бы помочь мне с подушкой?

Глаша кивнула, подумав, что в последние дни молодой человек и сам мог садиться, и, видимо, ему и впрямь стало хуже, раз он просил о помощи. Однако наивная девушка даже не догадывалась, какую игру затеял Скарятин.

Проворно подойдя к постели больного, девушка подождала, пока он приподнимется, и подняла повыше подушку. Дмитрий театрально устроился на ней и вновь попросил:

– У меня невозможно ноет плечо. Могу я попросить вас об одолжении, Аглая Михайловна? Вы могли бы покормить меня?

– Но отец велел мне после ужина зайти в лавку, помочь ему, – пролепетала Глаша, пытаясь ретироваться от его горящего взгляда.

– Неужели вы откажете в просьбе страждущему? – произнес Дмитрий тихо, не спуская с нее призывного взгляда.

Отчетливо осознавая, что своими взглядами и речами Скарятин пытается соблазнить ее, Глаша все же нашла в себе силы и решила помочь. Она села на край кровати, как делала это в первые дни их знакомства, и, взяв в руки миску, поднесла ложку к губам молодого человека. Всю трапезу она опускала глаза, ибо чувствовала его горящий взгляд на своем личике. Он быстро съел суп. И едва Глаша поставила миску на стол и уже собиралась встать, как его сильная рука обвилась вокруг талии девушки, не позволяя ей подняться с постели. Охнув, Глаша осознала, что совершила ошибку и предчувствия ее не подвели. Она попыталась встать, но Дмитрий сжал ее талию сильнее, словно железным обручем, и, придвинувшись к ней всем телом, над ее ушком глухо произнес:

– Мне надобно с вами поговорить, Глашенька...

Испуганно вскинув на него глаза и скорее опасаясь не его, а своих порывов, Глаша взмолилась:

– Что вы делаете, Дмитрий Петрович? Я ведь обычная девушка...

– С чего вы взяли, что вы обычная? – коварно произнес Дмитрий. Свободной рукой он обхватил ее ладошку и притянул к своему лицу. Порывисто припал к ее дрожащим пальчикам горячими губами и лишь спустя минуту вновь поднял глаза. – Вы невозможно прелестны, Аглая Михайловна. И явно заслуживаете лучшей жизни, нежели эта...

Она порывисто выдернула кисть из его твердой теплой ладони и, нервно дыша, прошептала:

– Зачем вы говорите так?

– Вы нравитесь мне, Глаша, неужели это не видно? – произнес он фразу, которая заставила девушку задрожать всем телом. Она ощутила, что ее сердце стучит в бешеном темпе, а щеки горят от его близости. Она поняла, что, если немедленно не уйдет от Скарятин, сделает что-нибудь глупое, и он поймет, что она дико влюблена в него.

– Пустите, прошу... – прошептала она гортанным голосом.

– Лишь один поцелуй, Глашенька, – проворковал Дмитрий, медленно растягивая слова и приближая свое лицо к ее ушку. – Неужели вы откажете раненому в этой маленькой просьбе?

Его рука, овивая ее талию, потянула стан девушки ближе, и он вновь обхватил ее ручку и поцеловал. Она попыталась отстраниться, но было уже поздно. Дмитрий порывисто притиснул Глашу к своей груди, и в следующий миг она подняла на него глаза. Это была ошибка. Скарятин тут же отчетливо считал ее взгляд, который выражал влюбленность, призыв и страсть, и этого ему было достаточно, чтобы перейти к решительным действиям. Он впился губами в ее ротик и, словно изголодавшийся, начал терзать его поцелуями.

Опешившая, опьяненная от его близости, Глаша не сразу поняла, что происходит. Осознание того, что этот невозможно притягательный, желанный мужчина держит ее в своих объятиях, затуманило ее разум. Лишь когда она ощутила, что ее головка лежит на его подушке, а мужчина навис над ней, покрывая страстными умелыми поцелуями щеки и шейку, Глаша поняла, что случилось. Девушка ахнула, оттолкнув его сильную руку от своей груди, и попыталась встать. На ее удивление, Дмитрий отпустил, и Глаша проворно соскочила с его кровати. Молодой человек стремительно поднялся на ноги и быстро поймал ладонь девушки. Обхватив ее кисть сильной рукой, он не позволил ей отойти. Над ее ухом он проворковал:

– Прелестная и сладкая, словно птичка в саду...

– Мне надо к отцу, – заикающимся голосом пролепетала Аглая, чувствуя, что его дыхание обжигает кожу на виске.

– Что ж, идите... – выдохнул Скарятин.

Он отпустил ее, и Глашенька, запинаясь о длинную юбку, поспешила прочь от этого мужчины, который явно имел власть над ней.

Глава II. Именной кортик

С того дня Скарятин, едва ему удавалось остаться с девушкой наедине, всячески пытался смутить Аглаю. Дмитрию было около тридцати лет, он был красив, самоуверен и горяч. Он знал, что нравится женщинам, и почти всегда добивался своего от впечатлительных дам, которые часто сдавались на его милость. Оттого соблазнение Аглаи было для молодого человека лишь делом времени.

Умело и настойчиво Дмитрий говорил Глаше об ее красоте и грации, тайком целовал ее ручки и открыто показывал свою влюбленность. Девушка, конечно, смущалась от всех этих явных знаков внимания и неумело пыталась показать, что ей все равно. Но в душе она отчаянно желала, чтобы Скарятин все это продолжал. Его комплименты, горящие взгляды и тайные объятия разжигали в ее сердце любовь с каждым днем все сильнее. Вскоре она поняла, что все ее существо неистово жаждет молодого человека, а сердечко наполнено жгучими любовными чувствами к Дмитрию. Стоило Скарятину призывно посмотреть на нее, как Глаша начинала дрожать всем телом, ощущая неистовое желание принадлежать молодому человеку полностью.

Спустя всего лишь четыре дня Дмитрию стало лучше, и он уже сам мог выходить на двор и перемещаться по горнице. В тот день Кавелин с Иваном уехали в Петербург на ярмарку. Глаша, как обычно, приготовила завтрак, а затем занялась делами по дому. Дмитрий сидел в убогой гостиной недалеко от печи и чистил свое оружие. Все утро он бросал горячие взгляды в сторону девушки, пока она мыла полы и готовила обед. Но Глаша делала вид, что не замечает этого. К тому же все утро то и дело по дому сновала Матрена, кряхтя и подозрительно смотря на Скарятину, как бы показывая взглядом молодому человеку, что следит за ним.

Около двух часов пополудни все трое пообедали в молчании, лишь пару раз Скарятин осмелился улыбнуться девушке через стол, стараясь не вызывать у старухи Матрены подозрений. После обеда Глаша убрала со стола и налила в корыто горячей воды, чтобы мыть посуду. Дмитрий так и сидел сбоку от стола, внимательно следя за девушкой, словно задумав что-то. Матрена заявила, что хочет немного полежать, и поковыляла в свою комнатуху, что была с другой стороны горницы.

Отец Глаши должен был вернуться под вечер, и Скарятин, поняв, что у него, возможно, более не будет такой прекрасной возможности осуществить свои желания, едва Матрена скрылась за дверью, проворно встал с лавки и приблизился сзади к девушке, которая мыла тарелки.

Почувствовав его присутствие за спиной, Глаша задрожала, но не осмелилась повернуться. Она ощутила, как рука Дмитрия прикоснулась к ее волосам, которые были собраны в две толстые косы. Его ласковая настойчивая ладонь осторожно опустилась к шее девушки, лаская нежную кожу теплыми пальцами. Аглая напряглась, поняв, что Скарятин явно намерен сейчас быть более настойчивым, чем обычно. Уже давно она инстинктивно чувствовала, что Дмитрий лишь выжидает удобного случая, дабы приблизиться к ней вновь, как в тот день, когда поцеловал ее. Когда его рука, лаская ее спину, опустилась на талию девушки, Глаша ощутила у своего виска горячее дыхание.

– Вы не хотите немного ласки, моя птичка? – произнес игриво он.

Глаша резко повернулась и испуганно взглянула на него. В следующий миг он поймал ее влажную ручку и потянул ее пальчики к своим губам. Она утонула в его искрящихся голубых глазах.

– Ваши глаза холодны, как лед, – прошептала она. Он оскалился белозубой улыбкой и произнес:

– При чем тут глаза? Мое тело горит от вашей близости. Идите сюда, не бойтесь.

Он властно притянул девушку к груди и наклонился над ней, желая ее поцеловать. Глаша подняла на него ласковые несчастные глаза, желая что-то сказать, но Дмитрий быстро завла-

дел ее губами и начал страстно целовать. Лишь спустя миг девушка как будто опомнилась и, отстранив свое личико от его настойчивых губ, пролепетала:

– Не надо, Дмитрий Петрович. Отец узнает...

В горле Глашеньки пересохло, а сердце застучало безумными глухими ударами. Она безумно хотела, чтобы Дмитрий продолжал свои ласки, но и дико боялась этого. Он стоял перед ней, такой мужественный и великолепный в своей белой шелковой рубашке, которая подчеркивала чуть загорелый оттенок кожи. Его широкие плечи, сильные руки, которые сейчас удерживали ее стан, твердые высокие скулы и невозможно притягательные красивые и желанные губы – все было в нем совершенно. Его яркий призывный взор яростно жег ее своим голубым светом. Девушка ощущала, что все ее чувства и мысли в смятении и она готова сдаться на его милость и позволить ему все.

– Он ничего не узнает, если вы сами не расскажете ему, – произнес тихо Дмитрий над ее дрожащими губами, словно приговор. В следующий миг его руки обхватили ее стан под бедрами и спиной, и молодой человек легко поднял девушку. Глаша ахнула и невольно ухватилась за его широкое плечо.

– Вы же больны, – пролепетала она, когда Дмитрий твердым шагом направился в свою маленькую комнатку. На это Скарятин коварно и развязно улыбнулся и осторожно положил девушку на кровать. Она хотела еще что-то сказать, но Дмитрий, более не оставляя шанса на сопротивление, приник к ее губам.

Все произошло так быстро и стремительно, что Глаша не успела ничего понять. Близость Дмитрия опьянила девушку. Его умелые, смелые и вместе с тем нежные ласки заставили ее забыть обо всем. Он не дал ей ни секунды опомниться, настойчиво разминая и лаская ее тело, постепенно освобождая от покровов. Она прикрыла от наслаждения глаза, вдыхая его приятный аромат. Сильные горячие губы молодого человека не отрывались от рта девушки, умело даря ее губкам наслаждение и заглушали все протесты Глаши, которые она поначалу пыталась озвучить. И лишь когда Глаша почувствовала сильную боль в промежности, она напряглась и открыла затуманенные глаза. Дмитрий нависал над ней, и его лицо, красивое и волевое, показалось ей как будто незнакомым. Его глаза, голубые, холодные, выражающие лишь настойчивость и жесткость, смутили ее. Глаша ощущала, как он быстро двигается между ее бедер, поднимаясь и опускаясь. Боль ушла, и девушка как будто немного протрезвела. Она наконец осознала, что происходит. Скарятин же, заметив ее испуганный взгляд, тут же впился в ее губки, пытаясь вновь заставить ее подчиняться ему. Его умелые губы, как и ранее, сделали свое дело, и Глаша вновь забылась, ощущая, что не хочет, чтобы это действие прекращалось.

Спустя некоторое время, когда Дмитрий наконец облегченно упал рядом с девушкой, пытаясь сдерживать срывающееся дыхание, Глаша открыла глаза и мутным взором уставилась в потолок. Она прекрасно осознавала, что сейчас случилось. Она была близка с этим притягательным молодым человеком, один вид которого вызывал в ее наивном трепетном сердечке безумные чувства. Вдруг раздался шум со двора. Глаша вмиг опомнилась, поняв, что вернулись отец и Иван.

– Отец, – пролепетала она, пытаясь встать и отталкивая руку Скарятина, которая лежала на ее груди. Он быстро среагировал и тут же поднялся на ноги. Глаша же, соскочив с его кровати, начала дрожащими руками собирать вещи и натягивать на свое обнаженное тело, стараясь не смотреть на молодого человека.

Быстро оправив штаны и рубашку, которых не снимал, Дмитрий протянул руку и подал девушке кофточку, которая упала за подушку. Глаша была уже в юбке и, судорожно выхватив блузу из рук Скарятина, попыталась быстро надеть ее. Но запуталась в рукавах.

– Позвольте мне, – бархатным баритоном произнес Дмитрий, приблизившись к ней вплотную, и вывернул рукав кофточки. Девушка лишь испуганно взглянула на него и покрас-

нела от смущения под его взглядом. Дмитрий как-то криво усмехнулся и заметил: – Вы бы шли в свою комнату, моя птичка, там и зеркало есть...

Она, словно кукла, послушно кивнула и, подхватив оставшиеся вещи, поспешила наверх, пытаясь скрыться от отца, который еще не вошел в дом.

Оставшуюся часть дня Глаша боялась даже поднять глаза на Дмитрия. Стоило ей лишь подумать о нем, как тело наполнялось неведомым доселе огнем, а перед глазами отчетливо представляла картина их близости. Скарятин же, наоборот, с удовольствием любовался девушкой, что хлопотала по хозяйству, и как-то странно довольно улыбался.

Поздним вечером того же дня Глаша, желая немного подышать свежим воздухом, вышла на двор. Она стояла около большой раскидистой яблони и, подняв лицо к небу, любовалась темным небосводом, на котором зажигались далекие звезды. Ощущая в своем сердце непонятную радость и упоение, девушка долго смотрела в вышину. Ее сердце было наполнено безграничной любовью к Дмитрию.

С первого взгляда влюбившись в молодого человека еще там, на берегу, Глаша не могла даже мечтать о том, что молодой офицер обратит на нее внимание. Кто он и кто она? Она понимала, что не равня ему, и вряд ли бы Скарятин мог посмотреть в ее сторону. Но он посмотрел. И это было для девушки непостижимо и волшебным. Этот молодой офицер, до невозможности притягательный, красивый, сильный и далекий, сделал ее сегодня своей возлюбленной. Даже осознание того, что она подарила Дмитрию свою чистоту и девственность, нисколько не смущало девушку. Ведь ему, герою снов и возлюбленному, она была готова отдать не только свое тело, но и душу, и сердце. Ведь сегодня, после того как они стали интимно близки, Глаша чувствовала, что еще никогда не была так счастлива. Все, что происходило с нею, казалось Аглае сказкой. От осознания того, что она нравится молодому человеку, сердце девушки сейчас билось отчаянно и глухо. Она стояла посреди двора и счастливо улыбалась оттого, что все так чудесно сложилось в ее жизни.

– Не спится? – раздался над ее ухом низкий хриплый голос. Глаша вмиг опомнилась от своих сладостных дум и обернулась. Рядом стоял Иван. Его взгляд, блестящий и какой-то угрожающий, не понравился ей. Не спуская с прелестного личика девушки странного неприятного взора, парень протянул руку к ее светлым волосам. – Царевна.

Глаша отшатнулась от него и, обойдя, быстро направилась к крыльцу. Однако он поймал ее за юбку и потянул к себе.

– Че, убежать опять хочешь? Не пущу! – нагло заметил Иван. Глаша в испуге обернулась и начала выдергивать юбку из цепких рук. Но Иван жадно оскалился и произнес: – Моей будешь все равно. Михаил Емельянович обещал тебя мне.

Глаша замерла, поняв, что ее догадки о том, что отец решил сосватать ее за племянника, не были плодом ее воображения. Уже давно она подозревала, что Кавелин пытается свести ее с Иваном.

– Я вам уже говорила, Иван Ильич, что не пойду за вас, – тихо заметила Глаша и наконец выдернула юбку из рук парня. Сильный запах пота, исходивший от него, вызвал в ней чувство брезгливости.

– Че это ты мне на вы? Я тебе не ваше благородие! – взвился он. Глаша бегом направилась в дом, желая избежать дальнейшего неприятного разговора. Даже помыслить о том, что этот долговязый примитивный увалень может стать когда-нибудь ее мужем, девушка не могла.

– Отставьте меня! – бросила она через плечо, взбираясь по ступенькам крыльца.

– Неужто по офицеру вздыхаешь? – произнес недовольно Иван ей вдогонку. – Побалуется с тобой да бросит!

Глаша быстро закрыла дверь и бросилась в свою горницу. Задвинув дверь на завов, она устало оперлась спиной о деревянный сруб.

– Нет, ни за что, – шептала Аглая сама себе. – Не пойду за Ивана, лучше уйду из дома.

Следующим утром, едва Глаша появилась в гостиной, она наткнулась на Скарятина. Он, видимо, уже давно встал и, одевшись, стоял у окна, созерцая улицу. Заслышав ее легкие шаги, Дмитрий вмиг обернулся и в два шага оказался рядом с девушкой. Она не успела ничего сказать, как он заключил ее в объятия и страстно поцеловал в губки. Лишь спустя минуту он оторвался от нее и, не выпуская из объятий, прошептал у ее губ:

– Я думал о вас, моя птичка.

Послышались шаги, и Глаша испуганно вырвалась из рук Скарятина, отойдя подальше от него. Вошла Матрена и как-то странно изучающе посмотрела сначала на Дмитрия, а затем на девушку.

– Доброе утро, ваше благородие.

– И тебе доброе, Матрена, – кивнул Дмитрий, прищурившись и скрестив руки на груди, оперевшись плечом о стену. Еще раз подозрительно оглядев молодого человека с ног до головы, старуха что-то проворчала и засеменила к печке.

– Михаил Емельянович в лавку еще засветло ушел, – заметила Матрена, кряхтя, подходя к Аглае, которая разжигала печь. – Ты, дочка, завтрак-то ему по-быстрому собери, а то он не ел ничего.

– Сейчас, – кивнула Глаша и подула на дрова, которые никак не хотели разгораться. Заслышав удаляющиеся шаги, девушка обернулась к двери и отметила, что Дмитрий вышел на двор.

– Что это их благородие никак не уезжает? – заметила Матрена, устало садясь на лавку.

– Так болен он еще, – тихо произнесла Глаша, ставя большой самовар на стол.

– Как же, болен. А то я не вижу, что здоров он уже как бык, – недовольно бросила Матрена. Глаша взглянула на старуху и произнесла:

– Он ведь только вчера вставать стал. Да и бледный очень.

– Да ты, никак, жалеешь его?

– Совсем нет, – пролепетала Глаша, опуская глаза, дабы старуха не заметила, как они загорелись от одного упоминания о Дмитрии. Глаша начала замешивать тесто на блины, а Матрена долго молчала, изучая лицо девушки.

– Ох, смотри, девка, если отец узнает, что бегаешь за офицером, приберет тебя, – наконец произнесла старуха.

До обеда время прошло незаметно. За стол все сели, как и полагалось у Кавелиных, около часу дня. Царило всеобщее молчание, и лишь в конце трапезы хозяин дома спросил у Скарятина о его здоровье. Дмитрий уклончиво ответил, что, наверное, через пару дней он совсем поправится и покинет их дом. После его фразы Глаша вскинула на молодого человека глаза, полные отчаяния и тоски. Этот взгляд заметили все, кроме Ивана. После этого Матрена тяжело вздохнула, Глаша задрожала от озноба, а Кавелин облегченно заметил:

– Вот и славно, ваше благородие.

– Вы не беспокойтесь, Михаил Емельянович, я рассчитаюсь с вами за ваши труды, как и обещал, – высокомерно сказал Скарятин, вновь взявшись за еду.

После обеда отец и Иван вновь ушли в лавку, а Глаша наскоро убрала со стола и села перебирать крупу. Дмитрий был тут же, как и Матрена, и вел себя довольно тихо, что-то записывая на столе у окна. Но спустя два часа, когда Матрена, все же не выдержав, заметила, что ей надо отдохнуть, и покинула горницу, Скарятин, не медля ни секунды, встал со своего места и приблизился к девушке. Глаша не успела ничего сказать, как и утром, ибо молодой человек проворно поднял ее с лавки, крепко ухватив за талию. Он притянул Глашу к себе, прижав ее спиной к своей груди, и впился поцелуем в шейку. Опешив от его атаки, она что-то пролепе-

тала про крупу, видя, как одна его рука словно железным кольцом обвилась вокруг ее талии, а вторая с силой сжала правую грудь. Дмитрий начал шептать ей на ухо слова о ее прелестях, и Глаша окончательно растаяла. Не прошло и минуты, как она ощутила, что все тело словно горит огнем.

Однако спустя миг девушка увидела в окно, как возвращается отец. Глаша проворно вывернулась из объятий Дмитрия и отошла к печи. Скарятин нахмурился, однако затем, пожав плечами, ушел в свою комнатку, оставив открытой дверь. Уже через миг в горницу влетел рассерженный Кавелин, размахивая руками.

– А ну, поди сюда, гадкая девчонка! – прогреготал Михаил Емельянович с порога. Глаша боязливо обернулась, не понимая, что так рассердило отца. – Опять парней раздражила! Только что Никитка Рыжей да наш Ивашка снова из-за тебя у колодца дрались!

– Я ничего не делала, – опешила Глаша, пятась от разъяренного отца, который приблизился к ней.

– А то я не знаю, как вы, бабы, хвостом вертите! Вся улица сбежалась посмотреть, как они дерутся! Вот позор-то! И все из-за тебя!

– Неправда это, – пролепетала Глаша.

– Как же неправда? Они оба при всем честном народе мне в лицо кричали, что хотят замуж тебя звать! А?! Чего перед людьми-то меня позоришь, негодница? Выбери уже себе мужа, и дело с концом!

– А если никто не люб мне? – глухо произнесла Глаша.

Дмитрий, который находился в соседней комнатке с чуть приоткрытой дверью, отчетливо слышал нервный разговор между отцом и дочерью. После последних слов Глаши на его губах заиграла победная, наглая ухмылка. Он отчетливо осознавал, что именно из-за него девушка говорит так. И свои чувства она проявляет только с ним, и их недавняя близость была доказательством тому. Он довольно посмотрел прямо перед собой.

В следующий миг Дмитрий услышал звук звонкой пощечины. Скарятин резко обернулся к приоткрытой двери, поняв, что Кавелин ударил Глашу по лицу.

– Ах не люб?! – завопил Михаил Емельянович. – Знаю я, кто тебе люб! Только тот товар тебе не по зубам! Ты купчиха, запомни это! Выбирай ровню себе! Дурой будешь, если не послушаешь меня!

– Не надо, отец! – воскликнула Глаша, боясь новых побоев.

– Кому нужна твоя красота? – взвился в негодовании Кавелин. – Одна морoka! Вот Наталья быстро вышла замуж. А тебе все не те!

Скарятин услышал звук хлопнувшей двери и вошел в горницу. Он посмотрел на Глашу, которая стояла посреди комнаты и, закрыв лицо ладонками, плакала. Дмитрий быстро приблизился к ней и обнял:

– Не плачь, моя птичка... – Он ласково погладил ее по спине, приподнимая подбородок. Нежно поцеловав ее в губки, он вновь обнял ее, лаская руками спину. Она начала сопротивляться.

– Нет, нет, не сейчас, – выпалила девушка. – Отец может вернуться. Я завтра утром приду. Отец в Петербург уедет...

Около восьми утра, едва телега Кавелина скрылась из виду, Глаша быстро направилась к зеркалу. Она уже была готова. Надев свои лучшие выходные юбку и блузку, что остались еще от покойной матушки, она поправила волосы, красиво положив их на высокую грудь. Косы она распустила и перетянула атласной белой лентой. Похлопав себя по щекам, она удовлетворенно кивнула зеркалу и бегом поспешила вниз по маленькой деревянной лестнице. Удостоверившись, что Матрена еще спит, девушка стремглав направилась к заветной горнице.

Скарятин стоял у окна, скрестив руки на груди. Он напряженно думал о том, что вот уже неделю совсем здоров, и ему давно пора уезжать из дома купца. Однако прелести Глаши, ее юное, сладкое, притягательное тело, вызывали в нем неумное плотское вожделение. Он размышлял о том, что, возможно, еще раз удовлетворит свою похоть, а уж потом уедет.

Раздался шорох. Дмитрий резко обернулся и вперился взглядом в возникшую на его пороге стройную фигурку светловолосой девушки. Сейчас она была какая-то другая, не такая, как утром, когда подавала на стол завтрак. Он отметил, что волосы ее распущены и надето на ней что-то очень милое и в то же время простое. Ее прелестное личико с ямочками на щеках и горящими темными глазками вызвало в нем чувство удовольствия. Его изучающий взгляд быстро пробежался по ее стройному стану, тонкой талии, округлым бедрам и высокой груди, и Дмитрий ощутил, как его тело наполняется желанием.

Он протянул к Аглае руку, сделав два шага навстречу, и усадил девушку на кровать. Она послушно опустилась рядом, смущенно потупившись. Довольно оскалившись, Скарятин, не спуская взгляда с ее губ, осторожно провел пальцем по ее щеке, медленно опускаясь к шее, а затем к плечам. Его вторая рука проворно легла на ее талию, чуть сжав.

Его пальцы настойчиво начали расстегивать маленькие пуговички, которые были впере-реди на светлой кофточке. И уже через минуту он спустил тонкую ткань с плеч девушки, и его взору предстала полная высокая грудь. Он быстро спустил лямки ее сорочки вниз, оголяя до пояса. Краска залила лицо Глаши, и он прекрасно видел это. Но она не останавливала его, а лишь, как кукла, сидела рядом, позволяя ему делать все, что он хотел. Ощущая, что девушка в его власти и явно влюблена в него, раз пришла сама, Дмитрий окончательно осмелел, и его рука начала настойчиво гладить ее грудь. Вторая переместилась и, проворно задрав ее юбку, устремилась к бедру. Лишь только после этого Глаша ахнула и подняла на него глаза, явно не ожидая столь разнузданных быстрых ласк.

Почувствовав, что кровь стучит у него в висках, Дмитрий с шумом выдохнул, а в следующий миг притиснул девушку ближе к себе и жестко сжал правую грудь рукой. Ее высокая упругая белоснежная плоть была слишком выпуклой и едва поместилась в широкой ладони. Осознав это, Скарятин пришел в крайнее возбуждение и порывисто наклонился к ее взволнованному личику. В следующий миг он впился в ее ротик яростными губами, продолжая горячими пальцами настойчиво разминать белую выпуклую грудь, придавив всем телом девушку к спинке кровати. Глашенька же, обвив его шею ручками, позволяла все и старалась ответить на его настойчивые поцелуи с тем же пылом...

Не прошло и дня после их последней близости, как Скарятин решил, что пора уезжать. Уже на следующее утро он, полностью одетый в военно-морской китель и тщательно причесанный, вышел из своей комнаты и, внимательно посмотрев на Глашу, которая хлопотала у печки, произнес:

– Ну вот, в последний раз с вами за стол...

Глаша резко обернулась на звук его голоса, выронив ложку. По ее взгляду, печальному, призывному и нервному, Дмитрий сразу же понял, что девушка явно не рада его отъезду. Она тут же отвернулась и начала наливать в глубокую миску малиновое варенье.

– Садитесь, Дмитрий Петрович, пока блины горячие, – сказала Аглая тихо, подходя к столу и ставя миску с вареньем рядом с горячими блинами. Молодой человек подошел к умывальнику и начал ополаскивать руки. Глаша, не отрываясь, следила за всеми его действиями и пыталась запомнить каждое движение, каждый поворот головы, каждый жест. Когда молодой человек сел наконец за стол, она произнесла: – Но только позавчера ваши раны затянулись...

– Я прекрасно себя чувствую, Глашенька, – заметил холодно Дмитрий и улыбнулся ей, беря руками жирный блин и обмакивая его в сметану.

Глаша стояла рядом и чувствовала, что вот-вот расплчется. Этот мужчина, ставший ей за последние двенадцать дней слишком дорогим и родным, вызывал теперь в ее душе болезненное чувство потери. Лишь одна мысль о том, что теперь Дмитрий уедет и она больше никогда не увидит его, была для нее дика и немыслима. Однако она всеми силами пыталась сдержаться и не показать своей печали. Оттого она только спросила, не спуская с него тоскливого взгляда:

– Вам, наверное, извозчика надо, Дмитрий Петрович?

Он быстро взглянул на нее и надменно произнес:

– Извольте. Если вам нетрудно, Аглая Михайловна.

– Пошлю за экипажем Тимошку, соседского мальчишку. Когда вы намерены ехать? – спросила она глухо.

– Через час, наверное, – безразлично заметил Дмитрий, снова устремив взор на вкусные блины и более не смотря на девушку.

Чувствуя, что ее глаза уже наполнились слезами, Глаша выбежала прочь из горницы.

– Его благородие прислали, – заметил довольно Иван, входя в лавку, где был Кавелин. – Ехать сейчас надумали. Просили, чтобы вы домой зашли, чтобы рассчитаться с вами.

– Наконец-то, – недовольно проскрежетал Михаил Емельянович и засеменил домой.

Отметив, что извозчик стоит у ворот, он поспешил в горницу. Пройдя темные сени, Кавелин огляделся. Однако, подойдя к открытой дубовой двери, застыл на пороге, увидев, как Глаша, обвив руками шею Скарятину, сама неистового целует молодого человека. Опешив от картины, открывшейся ему, Михаил Емельянович тут же отступил в темноту сеней. Не мешкая ни секунды, он направился в комнатку к Матрене, что находилась рядом.

– Я ж говорил, чтобы ты следила за ней! – набросился Кавелин на спящую старуху, что лежала на лавке.

Старая женщина в страхе ахнула и проворно вскочила на ноги, закрываясь от неумолимой руки Кавелина, который замахнулся на нее, и проскрежетала:

– Уследишь за ней, как же! Она хитра, как лиса. Бегаёт к нему, когда меня дома нет.

Михаил Емельянович зло ударил старуху в грудь, и та отлетела к стене.

– А тебя-то на что поставили?! – прохрипел купец, опуская руку. Матрена с боязнью посмотрела на него, сжавшись всем телом. – И долго это у них?

– Да уж неделю, поди...

– Неделю?! Что ж мне-то не сказала? А?!

– Так вы бы осерчали, Михаил Емельянович, как и сейчас, – промямлила Матрена.

– Вот дура! Все вы, бабы, дуры, так и есть! Говори, что знаешь, ну! – Кавелин вновь замахнулся на Матрену. – Было у них что?!

– Да, пару раз, наверное. Да и ластится она к нему все время, – сказала Матрена.

– Вот потаскуха! Вся в свою блудливую мать, – прохрипел Кавелин и направился обратно в горницу.

Скарятин уже стоял у окна один и надевал португезию с оружием. Кавелин прищурился и вошел в убогую гостиную.

– Неужто вы ехать от нас задумали, ваше благородие? – спросил недовольно Михаил Емельянович.

Подняв глаза на вошедшего, Дмитрий окинул его презрительным взглядом.

– Да, что-то загостился, – ответил молодой человек. Скарятин достал из кармана все деньги в количестве пятидесяти рублей и золотые часы, по контуру украшенные бриллиантами, и положил на стол перед купцом. – Это тебе за услуги.

Кавелин проворно схватил часы и начал вертеть в руках.

– Золотые, что ли?

– Сомневаешься? – надменно осведомился Дмитрий, поднимая бровь.

Купец промолчал. Михаил Емельянович начал прикидывать в уме, что за часы можно выручить не менее трехсот рублей. Это была немаленькая сумма. Наверное, его полугодовой заработок в лавке.

Раздался шорох, и Кавелин, быстро сунув часы и деньги за пазуху, обернулся. Вошла Глаша с красными от слез глазами.

– А, явилась! Девка блудливая! – проскрежетал Михаил Емельянович. И, зло смерив высокую фигуру Дмитрия взглядом, произнес: – Счастливого пути, ваше благородие, надеюсь, больше не свидимся.

Проворно направившись к Глаше, которая стояла у дверей, Кавелин грубо схватил дочь за плечо и выволок ее в сени. Захлопнув за собой дверь, купец вытащил Глашу на улицу и со всего размаха залепил ей пощечину. Девушка ахнула и отбежала от отца, закрывшись руками. Прекрасно понимая, за что осерчал родитель, она боялась даже поднять на него глаза.

– Говорил, держись от него подальше! – взревел Михаил Емельянович, вновь приближаясь к дочери. – Сейчас я научу тебя уму-разуму!

Кавелин вновь приблизился к дочери, которая, пятясь, боязливо прижалась к поленнице, что стояла во дворе. В этот момент во дворе появился Скарятин. Сразу же оценив ситуацию, он быстро приблизился к Кавелину и схватил твердой ладонью занесенную для удара руку Михаила Емельяновича.

– Нехорошо бить женщину, – жестко произнес Дмитрий, ощущая некую вину в том, что Кавелин осерчал на Глашу.

Кавелин опустил руку и, повернувшись к Скарятину, зло оскалился.

– Ишь, защитник нашелся! Уезжайте, ваше благородие, вы уже сделали свое дело!

Кинув быстрый взгляд на девушку, которая с тоской и болью смотрела на него, Скарятин отвернулся, заметив, что ее глаза увлажнились от слез. Понимая, что ему не по душе все эта сцена, Дмитрий проворно нахлобучил шляпу, что была у него в руках, и, бросив последний взгляд на Глашу, направился к воротам, за которыми его уже ждал извозчик.

– Ты тоже убирайся с моих глаз, блудливая девчонка! – услышал Дмитрий слова Кавелина, когда уже подошел к воротам.

– Но, отец, куда мне идти? – сквозь слезы пролепетала девушка.

– Вот с ним и иди, – указав перстом на офицера, проклокотал в гнев отец. Скарятин напрягся и резко обернулся. Бросив быстрый взгляд сначала на Кавелина, который с ненавистью смотрел на него, а затем на Глашу, по лицу которой текли слезы, он нахмурился. А Кавелин добавил: – Баловался с ней, ваше благородие, так и забирай ее себе!

Дмитрий напрягся и прищурился. Он совсем не собирался брать никого с собой. Но нрав у купца был явно лютый. И ему вдруг стало жалко Глашу, которая стояла такая несчастная и бледная. Да, он совсем не любил ее, но она была ему весьма приятна. И тут молодой человек подумал. А может, и впрямь взять девушку с собой? Она была весьма хороша для интимных радостей на первое время и вполне бы сгодилась на роль любовницы. А потом он решит, куда ее пристроить. Тем более Дмитрию было не по себе при мысли о том, что купец будет избивать дочь за то, что она лишилась девственности. Скарятин вздохнул и, устремив на девушку голубой холодный взор, спросил:

– Поедете, Глаша?

Однако Глаша замотала отрицательно головой, как будто не понимая, что происходит. Здесь был ее родной дом, в котором она росла с малолетства. А Дмитрий хоть и нравился ей, но она совсем не знала его. И не хотела ехать с ним.

– Иди, пока предлагает, – проскрежетал купец, распаляясь. – Только знай, что в моем доме ты ни дня не останешься. Ты мне здесь не нужна. Приданого у меня для тебя нет. А после твоих шашней тебя вообще замуж никто не возьмет. Вот бы тебя выпороть как следует. Чтоб вся шкура со спины слезла. Может, порядочной станешь, шельма!

Видя, что девушка растеряна и из ее глаз катятся горькие слезы, Дмитрий приблизился к ней и, ласково улыбнувшись Аглае, тихо произнес:

– Поедьте со мной, моя птичка, я позабочусь о вас.

Вдруг девушка дико вскрикнула и закрыла лицо руками. Дмитрий легко обнял ее за плечи. Глаша тихо плакала, а Дмитрий обернулся к ее отцу и заметил:

– Я заберу ее. А то вы еще, чего доброго, прибьете ее.

– Забирай! Забирай! – пробубнил в запале Кавелин. – Только заплати за нее! Думаешь, я тебе просто так ее отдам?

От унижения Глаша покраснела.

– Сколько? – спросил, прищурившись, Дмитрий.

– Сотни три пойдет.

Дмитрий как-то недобро усмехнулся. Он отошел от девушки и приблизился к купцу. Сняв с портупей кортик, инкрустированный золотом, рукоятка которого сверху была украшена несколькими небольшими аметистами и топазами овальной формы, он протянул его Кавелину.

– Этого хватит?

Купец замер, дикими глазами смотря на дорогую вещь, которая стоила не менее трех тысяч рублей. Через минуту, словно опомнившись, Михаил Емельянович согласно закивал и затараторил:

– Хватит, хватит! Забирай ее!

– Отец! – воскликнула в ужасе Глаша. Это было просто чудовищно. Они не только не спросили, хочет ли она ехать с Дмитрием, но и торговали ею, словно кобылой. – Да как же вы?!

Купец почти выхватил из руки Дмитрия кортик, с интересом и восхищением вертя изысканную вещь. Скарятин же, смерив презрительным взглядом Кавелина, подошел к Глаше и, обняв ее за плечи, повел со двора, на ходу заметив:

– Ничего не берите. Позже я куплю вам все, что понадобится.

Когда молодые люди вышли на улицу, Кавелин подошел к воротам и злобно проследил взглядом, как Скарятин с Глашей садятся в закрытый экипаж.

– Баба с возу, кобыле легче, – зло заметил Михаил Емельянович, сплевывая себе под ноги и провожая злобным взглядом удаляющийся экипаж. – И так из-за нее все парни на нашей улице передрались, хоть покой будет...

Глаша нервно перебирала край простой юбки, в которую была одета. Взглядом она окидывала шелковую ткань, которой был обтянут экипаж изнутри, и ощущала, как вся эта обстановка непривычна. Она никогда не ездила в экипажах, и теперь чувствовала себя неуютно. Дмитрий дал указания извозчику, куда ехать, и, ловко запрыгнув в карету, захлопнул дверцу. Он уселся напротив девушки и ласково улыбнулся ей. Экипаж тронулся, и Аглая, быстро взглянув на непроницаемое красивое лицо Скарятина с холодными голубыми глазами, горестно произнесла:

– Зачем я вам, ваше благородие? Я же знаю, что вы свое получили. А мне впредь урок будет, что доверять мужчинам нельзя.

– Зачем вы так говорите, Аглая Михайловна? – произнес Дмитрий мрачно.

– Я знаю, пожалели меня сейчас, ведь так? – прошептала она, всхлипывая. – А мне не надо вашей жалости!

– Что ж, было бы лучше, если бы отец избил вас и на улицу выгнал? – спросил, насупившись, Дмитрий, понимая, что Глаша права. И, кроме жалости и телесного влечения, он ничего не испытывал к девушке в данный момент. Он замолчал, напряженным взором смотря на нее. Она продолжала тихо плакать, уткнув личико в ладони. Дмитрий, отчего-то с каждой минутой все больше ощущая свою вину во всей этой неприятной истории, тяжело вздохнул и, поддавшись порыву, передвинулся к ней на сиденье. Легко обняв девушку за плечи и осто-

рожно прижав ее к своей груди, он тихо произнес: – Вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, Глашенька. Отчего же вы не хотите, чтобы я помог вам сейчас?

Она перестала всхлипывать, и он, заметив это, облегченно вздохнул. Чуть отстранился от нее и, приподняв рукой за подбородок, попросил:

– Посмотрите на меня.

Глаша, еще дрожащая и нервная, попыталась отвернуть от него лицо. Но Дмитрий уже властно сжал рукой ее подбородок и не дал возможности отвести взгляд.

– Аглая, я жду, – сказал он повелительно. Она несчастно посмотрела в его голубые холодноватые глаза. Нежно, напряженно, не отрываясь. Дмитрий долго смотрел в ее бархатные теплые глаза орехового оттенка, с темными густыми ресницами. Ее очи покраснели от слез, но все же были невероятно завораживающими и прекрасными. Лишь спустя несколько минут, тяжело вздохнув, Скарятин вынес вердикт: – Пока поживете у меня в доме. А затем я придумаю, что с вами делать...

Аглая сидела молча, словно загипнотизированная, и думала лишь о том, что ей безумно хочется, чтобы он поцеловал ее. И молодой человек, словно угадав это желание, медленно приблизился к ее губам и очень осторожно прикоснулся к ним своим ртом. Уже через минуту поцелуй Дмитрия из целомудренного превратился в более страстный, а руки стремительно опустились на ее стан и с неистовством сжали тонкую талию девушки. Аглая обвила его шею руками и ответила на поцелуй. Она потянулась навстречу всем телом, желая только одно: быть как можно ближе к молодому человеку. Мысли Дмитрия затуманились, и его рука невольно потянулась к ее груди. С каким-то пьянящим удовольствием он начал разминать ее полную упругую грудь, в это же время прикусив нижнюю губку. Вдруг карету тряхнуло, и Дмитрий словно опомнился. Отстранившись от девушки, он сумрачно взглянул на нее и произнес:

– Вы очень красивы... наверное, оттого и нравитесь мне. – Он тяжело вздохнул, пытаясь контролировать свои порывы, и уже через минуту убрал руки с ее стройного стана и сел напротив девушки. – Думаю, не стоит продолжать это в карете... – Дмитрий помолчал, не спуская внимательного взгляда с Аглаи, которая, как обычно, после поцелуя покраснелась и тяжело дышала, как и он сам. Спустя минуту он произнес: – Поживете теперь у меня, пока все не устроится, – он немного помолчал, как будто что-то прокручивая в своих мыслях, и тихо добавил: – Еще пару часов ехать. Можете пока подремать...

Глава III. Любовница

Санкт-Петербург, 1827 год, Июнь 16

Петербург произвел на Аглаю сильное впечатление. За свои двадцать лет она ни разу не покидала пределов остова Котлин. Первый час, пока они ехали в предместьях столицы, девушка тихо сидела в углу кареты и, опустив глаза, старалась не смотреть на Дмитрия. Да, она провела с ним почти две недели, да, была близка с ним, но все равно чувство неловкости не покидало ее всю дорогу. Однако при въезде в столицу Глаша нечаянно взглянула в окно и уже более не отрывала заинтересованного взора от городских улиц. Перед ней пробегали помпезные особняки, зеленые аллеи, богатые экипажи, парки с дворцами, грязные трактиры, богато и бедно одетые горожане. Все было ей в диковинку, и она восхищенными глазами смотрела по сторонам, ощущая в своем сердце радостное фееричное чувство.

Около двух часов пополудни экипаж, проехав по Измайловскому мосту через Фонтанку, свернул на одну из центральных улиц. Еще через некоторое время карета чуть замедлила ход у одной из чугунных оград, которая обрамляла небольшой зеленый парк. Ажурные ворота были открыты, и карета беспрепятственно въехала на территорию одного из поместий. Экипаж прокатил по зеленой аллее и остановился у двухэтажного каменного особняка напротив огромного цветника. Помпезный величественный вид дома с двумя боковыми лестницами и парадным подъездом, у которого остановилась карета, привел Аглаю в замешательство. Да, она предполагала, что Скарятин богат, но не предполагала, что до такой степени.

Пока она, опешив, нерешительно осматривала величественный особняк, словно из-под земли появились два лакея и открыли дверцу кареты, кланяясь. Дмитрий ловко выпрыгнул из экипажа и, повернувшись к Глаше, подал руку. Только тут она словно опомнилась и, как-то натянуто улыбнувшись Скарятину, оперлась на предложенную ладонь, выходя наружу.

– Дмитрий Петрович, добро пожаловать домой! – с почтением воскликнул один из лакеев, низко кланяясь.

– Рассчитайся с извозчиком, – велел Дмитрий, обращаясь к слуге. Лакей кивнул в ответ и поспешил к извозчику. Дмитрий обернулся к Глаше и заметил: – Пойдемте.

Скарятин направился твердым шагом к парадной лестнице, думая, что девушка следует за ним. Однако, когда поднялся, он чуть обернулся и заметил, что Глаша до сих пор стоит у подножья лестницы и как будто не решается идти дальше. Скарятин удивленно спросил:

– Что случилось?

Глаша, словно опомнившись, быстро засеменила вслед за молодым человеком по ступенькам.

Скарятину не пришлось даже стучать, дубовая массивная дверь перед ним отворилась сама, и в проеме появился кланяющийся дворецкий. Дмитрий остановился у входа, пропуская Глашу внутрь. Она медленно вошла и, сделав пару шагов, остановилась. Огромная светлая парадная с паркетным полом и широкой мраморной лестницей, которая вела наверх, вызвала в ней новый прилив испуга и восхищения.

– Вам нравится, Аглая Михайловна? – произнес Дмитрий, остановившись за спиной Глаши и удовлетворенно смотря на ошарашенную девушку, на личике которой было написано восхищение.

Аглая еще раз окинула взглядом великолепную мраморную лестницу и богатое убранство парадной и, обратив свой ореховый взор на молодого человека, что стоял рядом, прошептала:

– Это просто чудо! Я никогда не бывала в подобных домах.

– Вам придется привыкнуть, – как-то помпезно и высокомерно произнес он.

Дворецкий закрыл дверь и поклонился.

– Ваше благородие. Вы так скоро вернулись? – услужливо спросил он.

– Да, Демьян. Вот, возьми, – сказал Дмитрий, отдавая шляпу слуге. Переведя взгляд на девушку, он добавил: – Кавелина Аглая Михайловна. Моя гостья. Будет жить с нами.

– Слушаюсь, – ответил дворецкий и поклонился. – Обедать когда изволите?

– Теперь подавай. Мы проголодались.

Демьян поклонился и удалился исполнять приказ.

После обильного обеда в гранатовой гостиной Дмитрий, отложив салфетку, высокомерно и холодно произнес, обращаясь к девушке:

– Пойдемте, покажу вам дом.

Глаша послушно последовала за ним, с изумлением глаза по сторонам. Она чувствовала себя неловко в этом богатом особняке с картинами и множеством зеркал. Ее выходная юбка и кофточка казались ей убогими и невозможно ужасными в сравнении со всем этим великолепием. Оттого она, осторожно ступая чуть на шаг позади Дмитрия, боялась даже вымолвить слово.

Дом Скарятиных был о двадцати двух комнатах, с широкой парадной лестницей и огромной летней верандой. На первом этаже располагались две гостиные по обе стороны, бальный зал с колоннами, чайная, бильярдная, зимний сад и музыкальная гостиная, из которой можно было выйти на просторную террасу. Здесь летом было весьма приятно проводить душевные вечера. На втором этаже был кабинет, библиотека, картинная галерея, спальни хозяев и гостей и две детские. Небольшая камерная уютная гостиная, которая располагалась в центральной части верхнего этажа, служила для приемов наиболее близких знакомых и родственников.

Дмитрий быстро провел Глашу по дому, показывая ей все комнаты и залы. Когда они поднялись на второй этаж, он указал на одну из центральных спален, выполненную в бледно-синих тонах, и заметил:

– Это моя спальня, – заметил молодой человек. – Через две двери зеленая опочивальня, в ней обычно любит останавливаться мой брат Николай, когда приезжает. Вы можете выбирать себе комнату из остальных пяти.

– А ваша матушка? Вы как-то говорили, что живете с ней, она не будет возражать?

– Матушка сейчас за границей, – перебил он ее неучтиво. – И вряд ли раньше будущего лета вернется в Петербург. Она не переносит холодный промозглый климат столицы. К тому же ее комната дальше, рядом с галереей.

Глаша прошла по всем спальням, и ей понравилась самая светлая комната в оливково-золотистых тонах. Ей она показалась самой просторной и уютной. По странной случайности или, наоборот, неслучайно, эта спальня располагалась рядом с комнатой Дмитрия по правую сторону.

Едва Глаша прошла в выбранную комнату и сказала, что остановится здесь, Дмитрий согласно кивнул, заметив:

– Что ж, весьма хороший выбор. В этой комнате жила моя двоюродная сестра до замужества.

Отвернувшись от Дмитрия, Глаша с удовольствием смотрела по сторонам, как бы забыв о молодом человеке. Скарятин же стоял в напряженной позе у входа и неотрывно смотрел на девушку. Его взгляд прошелся по ее стройной изящной спине, затянутой в простую светлую одежду, и мысли начали рисовать сладострастные картины. Он вдруг осознал, что ее спальня и эта кровать, рядом с которой стояла девушка, наводят его на интимные желания. Да, он хотел Аглаю, и хотел сейчас. Еще с поездки из Кронштадта, когда он сдержал свой порыв, его желание нарастало и требовало отклика. Всю дорогу до Петербурга он представлял, как сразу по приезде непременно закроется с ней в одной из спален и уж там, на широкой кровати, непременно удовлетворит похоть, которая терзала его. Однако после этого невозможно долгого ожи-

дания, когда они обедали, затем он показывал ей дом, и теперь, когда он уже надеялся наконец получить ее близость, она начала рассматривать спальню. Дмитрий чувствовал, что девушка не расположена к любовным утехам. Нахмурившись, он напряженно думал, как сказать ей о том, что хочет с ней близости. Она повернулась.

– Спасибо вам, Дмитрий Петрович, – поблагодарила Аглая. Однако, заметив, что лицо молодого человека было отчего-то недовольным, она удивленно спросила: – Что-то не так?

Она приблизилась к нему. Дабы она не заметила, что его терзают страстные помыслы, Скарятин убрал руки за спину, чтобы не наделать глупостей и не показать ей своего желания. Она явно не понимала, что ему нужно от нее сейчас. Дмитрий все более мрачнел, однако открыто сказать девушке о своем желании отчего-то не мог. Странно, но теперь он ступешался и боялся показаться ей чересчур распушенным. Было всего четыре часа дня. Он отвернулся от Глаши, не в силах смотреть на ее полную грудь, которая невольно притягивала пристальный взгляд, и, тяжело вздохнув, выпалил:

– Там, сбоку, есть ванная комната. Я распоряжусь, чтобы вам принесли воды. Вы умоеетесь с дороги. Можете немного отдохнуть. У меня есть дела. Ужин в семь. Составьте мне компанию за вечерней трапезой.

Фразу Дмитрий закончил, уже совсем разозлившись, и, едва бросив на Глашу мимолетный взгляд, стремительно вышел из спальни.

Умывшись в мраморной раковине, Глаша решила причесаться более изысканно и направилась к трюмо с огромным зеркалом. На столике лежали щетка для волос, небольшое кокетливое зеркало, а также стояло несколько баночек с кремами и пудрами. Девушка села на мягкий вышитый пуфик и уставилась на себя в зеркало, которое отразило ее прелестное лицо с широко распахнутыми глазами. Медленно распустив волосы, она расчесала их и заколола на затылке, оставив несколько локонов по плечам. Затем вновь обернулась и окинула взглядом спальню. Все это было как в сказке, в которую она никак не могла поверить. Особняк, слуги и эта спальня – все казалось ей сном.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Ее взору предстал небольшой парк с фонтаном и зеленой лужайкой. Глаша тут же решила осмотреть их и вышла из комнаты. В доме было тихо. Она медленно спустилась по лестнице до первого этажа и только тут встретила слугу. Он поклонился ей и спросил:

- Вы что-нибудь желаете, Аглая Михайловна?
- Вы знаете мое имя? – удивилась она. На что седой слуга странно улыбнулся и кивнул.
- Конечно, барышня.
- А Дмитрий Петрович?.. – она не успела досказать.
- Уехали по делам. Обещались к ужину вернуться, – произнес быстро лакей.
- Спасибо. Как вас зовут?
- Василием кличут, – улыбнулся старый слуга.
- Василий, я бы хотела погулять в парке, что за домом.
- Позвольте, я провожу вас, – поклонился слуга и пошел впереди, показывая ей дорогу.

До ужина Аглая пробыла в парке, который очень понравился ей. Он был небольшим, но невероятно красивым и уютным. С двумя аллеями, фонтаном, маленькими ажурными скамейками, небольшими лужайками и розовым цветником. Она с удовольствием посидела на больших деревянных качелях, которые обнаружила недалеко от дома, в укромном уголке парка.

Около семи Аглая услышала с внешней стороны дома шум. Она подумала, что, наверное, вернулся Дмитрий, и поспешила обратно в дом. И оказалась права. Едва войдя в гостиную, девушка увидела высокую фигуру Скарятин у камина. Он был в штатском и туфлях. На ее появление он чуть обернулся и холодно спросил:

- Как вы провели день?

– В саду. У вас чудесный парк, – заметила Аглая, приближаясь к нему.

Он наконец соизволил повернуться и заметил:

– Матушка занималась обустройством парка, еще при отце.

Глаша сразу же заметила его взгляд. Колючий, холодный и какой-то недовольный. Она захотела спросить, что случилось, но не решилась. В этот момент вошел слуга и доложил, что ужин готов. Дмитрий кивнул и, пройдя мимо девушки, бросил ей на ходу:

– Идемте за стол.

Аглая последовала за Дмитрием, чувствуя себя неловко от его холодного высокомерного поведения. Ужин прошел в молчании, лишь пару раз девушка ловила на себе настойчивые странные взгляды Скарятин и в ответ пыталась улыбнуться, но у нее получалась лишь вымученная гримаска. Инстинктивно она ощущала, что что-то не так. И чувствовала, что колющее поведение молодого человека как-то связано с ней.

После ужина Дмитрий поднялся из-за стола, и Аглая поймала его властный горящий взгляд.

– Вы в свою комнату? – спросил он, словно утверждая.

– Наверное, – прошептала Аглая, не представляя, что делают по вечерам господа, которые живут в подобных особняках.

– Я провожу вас, – заметил Дмитрий настойчиво, когда они вышли из гостиной.

Скарятин поднимался за девушкой по лестнице, не спуская напряженного взгляда с ее округлых ягодиц, которые хорошо угадывались под юбкой, ощущая, что его желание достигло предела. Едва Аглая вошла в свою спальню, он стремительно захлопнул дверь комнаты и без предисловий притиснул девушку спиной к себе. Его губы впились в ее ушко, а руки властно сжали упругую грудь. Она ахнула. И Дмитрий, тут же развернув ее к себе, впился губами в ее ротик. Отметив, как страстно Глаша ответила на поцелуй, молодой человек проворно поднял девушку на руки. В несколько шагов преодолев расстояние до кровати, Дмитрий опустил Аглаю на постель. Не прекращая осыпать ее личико и шею обжигающими поцелуями, Скарятин начал умело расстегивать пуговицы на ее кофточке. Уже через несколько минут его проворные руки освободили тело девушки от покровов до конца. Губы опустились на ее полную обнаженную грудь с твердыми возбужденными сосками, а руки с неистовством начали разминать нежные бедра. Отметив про себя еще раз, что Глаша невыносимо прелестно сложена, молодой человек поцеловал ее пупок и с наслаждением провел рукой по стройной ноге вниз.

Он приподнялся над ней, заглядывая в блестящие темно-ореховые глаза, чуть прикрытые бархатными ресницами. Аглая попыталась отвернуть свое лицо от его горящего взгляда, как будто стеснялась своей наготы. Однако Дмитрий как-то недобро усмехнулся в ответ на ее смущение и, властно обхватив за подбородок, заставил ее смотреть на себя.

– Сирена, – прохрипел он возбужденно. Отстранившись от девушки, Скарятин начал стремительно скидывать с себя одежду. Уже через минуту он вновь опустился на девушку, впившись в ее губки. Его ласки стали более дерзкими. Сильно разведя в стороны бедра Глаши, он быстро овладел ею, вызвав у девушки невольный вскрик. Она выгнулась навстречу, ощущая его мощные сильные движения, и обвила ногами его бедра. Встав на колени, Дмитрий выпрямил спину и, ускоряя темп соития, обхватил ее узкую талию руками, прижимая легкое тело к себе и удерживая девушку почти на весу. Вид прелестного тела Аглаи, ее прикрытых от истомы глаз, розового ротика с полными губами, из которого иногда вырывались сладострастные стоны, до предела возбудил Дмитрия. Он ощутил, что развязка уже близка. В последний момент он придавил свое естество к упругому бедру и вылил на ее живот свое семя, прикрыв от наслаждения глаза.

Спустя минуту он пришел в себя, наконец расслабив сильные руки, которые все еще удерживали ее талию. Осторожно опустив девушку на постель, Дмитрий упал на ее мягкую грудь головой, стараясь как можно меньше давить. Тяжело дыша, он сквозь сладострастную

дымку смотрел перед собой, ощущая, что еще никогда ни с одной женщиной не испытывал подобного наслаждения. Спустя еще некоторое время Скарятин приподнялся над Аглаей на вытянутых руках, оставшись лежать между ее разведенных бедер, и, тряхнув головой, посмотрел на девушку. Она открыла глаза, и он увидел, что из ее очей на него льется ласковый любовный поток. От его напряженного немигающего взора девушка смутилась и перевела взгляд в другую сторону. Ее личико, прелестное, покрасневшее от его дерзких ласк, показалось Дмитрию невозможно соблазнительным. Он склонился над ней и прошептал:

– Такая сладкая, что невозможно оторваться от тебя...

Затем он сел на колени над ней, и его восхищенный взгляд прошелся по ее телу. У него не было раньше возможности рассмотреть Аглаю как следует. Нежная тонкая шея девушки переходила в округлые хрупкие плечи, затем настойчивый взгляд Дмитрия упал на нежные довольно выпуклые полушария груди девушки, которые чуть свешивались вбок с ее стройного стана. Далее его взгляд переместился на узкую талию и более полную линию бедер, которые казались еще пышнее на фоне стройного тела. После округлые бедра переходили в стройные длинные ноги и завершались небольшими прелестными ступнями. Как знаток, Дмитрий тут же отметил, что ее тело совершенно, в нем нет ни одного изъяна.

Не удержавшись, он провел рукой по ноге девушки вверх, затем по обнаженному животу к высокой груди.

– Красавица... – глухо прошептал он, вновь склоняясь над ней.

Он начал целовать ее губы, притягивая ее к своей груди. Аглая обвила его шею руками и в ответ сама поцеловала его. А он закинул ее ножку на свое бедро, перекатываясь с девушкой по кровати. Позволяя Глаше ласкать свою спину руками, Дмитрий нежно целовал ее шею, ощущая, как стройные длинные ножки ласкают его бедра...

Было около одиннадцати вечера, когда молодые люди наконец насытились друг другом. Уже не в силах продолжать любовные игры, они тихо лежали в объятиях друг друга. Головка Аглаи покоилась на плече Дмитрия. Лениво лаская ее распущенные мягкие волосы, которые были у него под рукой, он вдруг заметил:

– Знаете, я думаю, что не зря отдал за вас свой любимый кортик.

Осознав смысл его слов, Глаша напряглась. Интимная близость была нарушена его жесткими словами. Ей было не по душе, что он воспринимает ее словно вещь, за которую заплатил деньги. Аглая резко высвободилась из объятий молодого человека и, отстранившись от него, легла рядом.

– Вы обиделись? – цинично спросил Скарятин, повернув к ней лицо. – Простите, не подумал.

Ее поза стала напряженнее, и она тихо произнесла:

– Я устала и хочу спать.

Она повернулась к нему спиной и легла на бок. Чуть поджав под себя ножки, она замерла.

Дмитрий поморщился и облегченно вздохнул. Он встал и быстро собрал с пола вещи, небрежно кинутые ими несколько часов назад, положив их на кресло. Он подошел к камину и поворошил дрова, чтобы они ярче горели. Затем накрыл девушку одеялом и улегся рядом. Нащупав конец одеяла, он лишь прикрыл им свои бедра и, сонно зевая, протянул:

– Отдыхайте, не буду вам мешать, моя птичка.

Уже через пять минут молодой человек заснул, чуть похрапывая во сне.

В комнате было темно, лишь небольшой отсвет от горящего камина чуть освещал комнату. Глаша всматривалась в очертания тихой комнаты и никак не могла уснуть. Весь сегодняшний день был каким-то сумбурным, напряженным и сладострастным. Ей нравилась близость и ласки Дмитрия, но она чувствовала, что он холоден по отношению к ней. Это было ей неприятно и задевало.

Она повернулась к молодому человеку и во мраке начала разглядывать неподвижный красивый профиль Скарятин. Его короткие волнистые волосы были чуть влажны на шее, и девушка, едва касаясь, провела пальчиками по их кончикам. Затем, не выдержав, Аглая приподнялась на одной руке и прошла взглядом по обнаженному телу Дмитрия. Его широкие мощные плечи, твердая, немного покрытая темными волосами грудь, плоский живот, рельефные бедра и длинные сильные ноги показались ей совершенными. Однако, испугавшись своих порывов, она заставила себя вновь лечь и закрыла глаза. Перед ее взором тут же предстало его напряженное лицо с затуманенными глазами в момент их последней близости. Она глубоко вздохнула, ощущая, что сердце взволнованно бьется от осознания того, что этот невозможно привлекательный интересный мужчина не только привез ее в свой дом, но и, видимо, влюблен в нее, раз ведет себя с ней как подобает мужу. Глаша подумала, а вдруг он решит жениться на ней? Ведь он так ласков с ней. С этими приятными мыслями она уснула.

Проснувшись она неожиданно от настойчивой ласки сильных пальцев Дмитрия, которые властно разминали ее обнаженную грудь. Открыв заспанные глаза, Глаша отметила, что уже утро, и она лежит на боку. Она отчетливо ощутила его горячее тело, прижатое к ее спине. Чуть повернув голову к молодому человеку, она увидела, что он, приподнявшись на руке, не спускает горящего взора с ее личика, продолжая дерзко ласкать упругие полушария груди. Она томно улыбнулась ему, чуть обнажив белоснежные зубки, и этого было достаточно, чтобы Дмитрий перешел к более смелым ласкам. Близость была быстрой, страстной и весьма приятной.

Через полчаса, поднявшись с нее, Скарятин встал с постели и натянул легкие подштанники и штаны. Затем скрылся за дверью ванной и уже через четверть часа, побритый и мокрый от воды, вернулся в комнату. Глаша сидела на кровати, прижимая к своему обнаженному телу одеяло. Он улыбнулся ей уголком рта и, быстро надев туфли и рубашку, на минуту остановил свой взор на девушке с распущенными светлыми волосами.

– Умывайтесь и спускайтесь к завтраку, – повелительно сказал он. – Я пока просмотрю письма и счета в кабинете.

Захватив остальную одежду, Дмитрий стремительно вышел из ее спальни, прикрыв за собой дверь. Глаша несчастно смотрела ему вслед, отчетливо осознавая, что ее любовное чувство к этому мужчине растет с каждой минутой.

Настроение Дмитрия в это утро поменялось, и он был довольно мил и предупредителен. Даже за завтраком он рассказал несколько забавных случаев из своей службы на корабле. К концу трапезы он заметил:

– Сейчас поедem в магазин, вам надо справить новый гардероб. А то в этой одежде вы выглядите неподобающе, словно мещанка. – Глаша хотела возразить, но Дмитрий тут же кинул на нее властный взгляд и заметил: – Даже не спорьте, Аглая. Если хотите жить со мной, вы должны выглядеть соответственно. А вы ведь хотите жить в моем доме и подле меня?

Добавил он утвердительно, властно и безапелляционно. В ее положительном ответе он даже не сомневался.

Глаша тихо кивнула и опустила глаза. Дмитрий же довольно окинул девушку взглядом, в который раз отмечая, что ее нрав весьма по душе ему. Аглая никогда не спорила и выполняла все его пожелания и требования. Лишь вчера он был немного не в духе из-за ее непонятливости. Но Дмитрий отчетливо осознал, что сам виноват и надо было быть настойчивее. Ведь ни вчера вечером, ни сегодня утром Глаша не сопротивлялась, и даже наоборот, ему показалось, что она была крайне рада его объятиям.

– Мне надобно одеть эту девушку, – прямо с порога заявил Скарятин, едва они с Аглаей вошли в один из дорогих модных салонов на Невском проспекте.

– Вам подобрать полный гардероб? – спросила хозяйка салона, мадам Соверне, с чуть заметным французским акцентом. Ее взгляд пробежался по молоденькой красивой девушке со светлыми волосами, которая стояла рядом со Скарятиным.

– Да, наверное. И еще шляпки, туфельки и белье, если можно, – добавил он холодно.

– Да, у нас все это есть, Дмитрий Петрович, – заулыбалась довольно мадам, предвкушая довольно приличную выручку от заказа господина Скарятин. – Пожелаете обычный гардероб, состоящий из дюжины домашних платьев, дюжины для прогулок, дюжины для визитов и дюжины для бальных танцев?

– Да. Только бальные платья замените домашними. Вряд ли она будет выходить в свет.

– Как пожелаете, Дмитрий Петрович, – сказала мадам, с ходу определив, что эта прелестная белокурая девушка является лишь любовницей молодого офицера, причем тайной. Имея большой опыт, мадам Соверне могла безошибочно определить, в каких отношениях состоят приходящие к ней пары. Для окончательного подтверждения своих догадок ей оставалось узнать лишь одно.

– Прошу вас, милая, проходите в комнату для примерок, Дуняша проводит вас, – обратилась мадам Соверне к Аглае. Когда девушки скрылись из виду, хозяйка салона вновь обернулась к Скарятину:

– Желаете платья закрытые и скромные или, наоборот, кокетливые?

– Естественно, кокетливые, чтобы подчеркивали ее прелести, – ответил Дмитрий, улынувшись так развязно и вызывающе, что мадам смутилась. Кивнув, хозяйка салона стремительно направилась в примерочную, и Скарятин был вынужден окликнуть ее. – И, если это возможно, подберите платье на сегодня, чтобы одеть ее теперь.

– Я думаю, что-нибудь обязательно найдем, – заметила мадам и исчезла за бархатными шторами.

Дмитрий уселся в кресло и стал ждать. Слуга принес ему кофе с ликером, газету, и молодой человек начал неторопливо отпивать горячий напиток, пробегаясь глазами по напечатанным строкам. Через полтора часа появились мадам Соверне и Глаша в прелестном янтарном платье из атласа. Довольно большой округлый вырез и тонкая золотистая тесьма на узкой талии подчеркивали ее упругую соблазнительную грудь. А изысканный фасон платья с юбкой по форме колокола только украшал ее тонкую талию и округлые ягодицы. Из-под длинного подола платья чуть виднелись носки изысканных легких туфелек без каблуков, украшенных бисером. Волосы девушки были собраны в две косы, завернутые кольцами с боков над ушами. На головке Глаши красовалась кокетливая легкая шляпка с белыми цветами. Девушка была похожа на сладкое пирожное, которое хотелось не только созерцать, но и непременно попробовать.

Удовлетворенно хмыкнув, Дмитрий встал и, чуть сузив глаза, заметил:

– Весьма недурно. Этот наряд мы непременно возьмем. Если и остальные платья будут такими же красивыми, пожалуй, я останусь доволен.

– Остальные еще лучше, – заявила хвастливо мадам. – Мы подобрали весь гардероб. Чуть более трех дюжин платьев, столько же туфелек, и...

– Да, хорошо, не стоит перечислять, мы все берем, – недовольно бросил Дмитрий, который уже мечтал выйти из этого душного заведения.

Мадам довольно закивала, отметив, что у девушки чудесная фигура, на которой ее изысканные платья просто великолепно смотрятся. Скарятин согласно закивал, как-то высокомерно бросив пару хвалебных фраз о платье, в котором была Аглая.

Глаша стояла молча, боясь что-либо сказать. Отчего-то ей было не по себе. Дмитрий и мадам Соверне обсуждали все сами, даже не спрашивая, нравится ей платье или нет. Девушка ощущала себя неловко в подобном наряде, ибо половина ее груди была обнажена, а корсет невыносимо стягивал талию. Никогда она не носила такие изысканные и открытые платья.

Глаша попыталась возразить, но Дмитрий обратил на нее удивленный холодный взор и недовольно заметил:

– Вы чем-то недовольны, Аглая Михайловна?

Девушка окончательно стушеввалась под его тяжелым взглядом и опустила глаза, покраснев от смущения. Она понимала, что за все платил Скарятин, и оттого она не имела права голоса.

– Первую дюжину я пришлю в ваш дом завтра же, остальные на следующей неделе. А насчет оплаты... – начала мадам.

– Аглая, подождите меня в карете, – властно велел Дмитрий, устремив цепкий взор на девушку. Глаша кивнула и по его велению вышла. Дмитрий вновь обратил свой взор на мадам Соверне и заметил:

– Насчет оплаты?

– Да, я хотела заметить, ваше благородие, что мои платья шьются из самых дорогих шелков и бархата, а атлас привезен из самой Франции. И фасоны скроены по весьма изысканным французским модным эскизам.

– Довольно, я все понимаю, – перебил ее Дмитрий, понимая, что мадам хотела набить цену на свои наряды. – Итак, сколько?

– Весь гардероб будет стоить семь тысяч триста рублей.

Дмитрий прищурился, опешив от невозможно высокой суммы. Однако он тут же осознал, что ему было невероятно приятно видеть Аглаю в янтарном платье, в котором от ее прелестей просто невозможно было отвести глаз. Оттого он холодно улыбнулся мадам и произнес:

– Если вы обещаете, что следующие платья будут не менее соблазнительными...

– Обещаю, – кивнула мадам.

– Тогда я сейчас же выпишу вам чек на надлежащую сумму...

Глаша стояла на многолюдной улице и ощущала неведомый ей ранее восторг. Красивое платье, в котором она была, и гардероб с туфельками и шляпками, которые заказал ей Дмитрий, были явно недешевым удовольствием. Все эти дорогие подарки молодого человека наводили девушку на мысли о том, что Скарятин неравнодушен к ней. Радость от того, что она может надевать подобные красивые наряды, и счастье от того, что эти вещи покупал ей именно он, с каждым мигom заполняли душу девушки. На ее личике заиграла невольная улыбка. Мимо нее проходили люди, богато и бедно одетые, военные, пары и няньки с детьми, но она всего этого не замечала, ибо ее мысли витали около образа Дмитрия. Скарятин казался ей неким царевичем из сказки, мужественным, красивым, богатым. Она чувствовала, что влюблена в него всем сердцем, всем своим существом, всеми своими мыслями. Даже его холодновато-высокомерное отношение к ней не портило его пленительный образ в глазах девушки. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

Аглая была так увлечена своими думами, что не заметила, как некий господин, богато одетый, пройдя мимо, обернулся, а затем остановился в десятке шагов от Глаши, как будто изучая ее. Видимо, одиноко стоящая девушка на многолюдной улице вызвала у него странные домыслы. Лишь когда мужчина приблизился к ней и, поклонившись, вежливо окликнул, Глаша посмотрела на него.

– Милая, вы одна? Может, вам составить компанию? – спросил мужчина слащавым голосом, снимая шляпу и пробегая восхищенным взглядом по ее соблазнительной фигурке.

Наивная Глаша смутилась, не понимая, о чем говорит ей этот изысканно одетый господин, похожий на дворянина. Не успела она ответить, как за ее спиной раздался грубый баритон Дмитрия.

– Идите своей дорогой, любезный! Эта девушка со мной.

– Ах, простите, видимо, я ошибся, – заметил раздосадовано мужчина и, еще раз оценив оглядев Глашу, пошел далее по улице.

Дмитрий обратил недовольный взгляд на Аглаю и заметил:

– Я велел вам ждать меня в карете, насколько помню.

Глаша хотела что-то сказать, но взгляд Дмитрия, недовольный и злой, заставил ее молчать. Он помог ей сесть в карету и, расположившись напротив, стукнул тростью по крыше. Экипаж тронулся с места.

– В карете душно, Дмитрий Петрович, – промямлила Глаша. – Я никогда не была в таком большом городе, мне было интересно посмотреть.

– Вы глупы, Аглая Михайловна, как я посмотрю, – неучтиво перебил Дмитрий, сверля ее настойчивым взглядом, словно провинившегося ребенка. – Отчего вы стоите посреди улицы, словно ждете приключений?! Неудивительно, что мужчина принял вас за кокотку.

– Кокотку?

– Да. Женщину легкого поведения.

Глаша опешила, смутилась от слов Дмитрия и опустила глаза на свои задрожавшие ручки. Она видела, что молодой человек рассержен, но она не хотела его сердить, оттого извиняющимся голосом пролепетала:

– Простите, Дмитрий Петрович, я не подумала...

Остановив настойчивый взор на глубоком декольте платья девушки, Скарятин отметил, как все же прелестна ее грудь в этом новом туалете. Высокая, полная, нежная, она эффектно возвышалась на изящном стане девушки, и фасон платья подчеркивал это. Тонкие плечи Аглаи и ее узкая талия на фоне широкой юбки весьма соблазнительно смотрелись, и молодой человек ощутил, как от манящих прелестей девушки, что сидела напротив, его гнев стал утихать, а голову заволокли думы о сладострастии. Дмитрий представил, как уже по возвращении домой уединится с Аглаей в спальне, неумолимо стянет это янтарное великолепное платье с ее волнующего изящного тела и непременно удовлетворит свои страстные желания, которые теперь наполнили его существо от созерцания чудесного вида Глаши.

Оттого через минуту, так и не спуская нагловатого взгляда с пикантного соблазнительного декольте девушки, Дмитрий уже более любезно и даже как-то по-доброму произнес:

– В столице не принято барышням выходить на улицу одним, Глаша. Их должны сопровождать или брат, или отец. На худой конец, горничная или нянька. Если же девушка одна, да еще стоит на бульваре и словно ищет кого-то, это наводит на определенные выводы.

– Я все поняла, Дмитрий Петрович, – кивнула Глаша, стараясь более не раздражать молодого человека.

– Вот и чудесно, моя птичка, – уже как-то довольно ухмыляясь, заметил Скарятин.

Жизнь Глаши изменилась коренным образом. С того дня, как она стала любовницей Скарятина, все ее дни проходили в праздности и украшении себя. Это было ново и непривычно Аглае. Ведь еще с детства приученная к труду в родительском доме, она невольно искала себе занятие, дабы не проводить в безделии многие часы. Она пыталась помочь на кухне, по дому девушкам-горничным и даже садовнику. Однако это сразу же не понравилось Скарятину. Еще во второй день, когда он нашел Глашу на кухне, Дмитрий высокомерно заявил, что в доме полно крепостных слуг, которые должны все делать. А ее задача состоит в том, чтобы украшать себя и быть приветливой с ним, ибо он желает этого. Глаша, пытаясь угодить своему кумиру и боясь вызвать неудовольствие Дмитрия, вскоре безропотно смирилась со своей участью красивой собачки у ног Скарятина.

Первые дни Дмитрий постоянно находился в особняке и лишь изредка уезжал по делам. Почти все время молодые люди проводили вместе, в основном в спальне или гостиной. Скарятин относился к Глаше с почтением, нежностью и холодностью. Он постоянно целовал ей

ручки и замечал, что она весьма красива и приветлива с ним и что он очень благодарен ей. Глаша же в ответ с благоговением смотрела на своего покровителя, такого смелого, сильного, мужественного, красивого и немного циничного, ловила каждое его слово и постоянно старалась понравиться. Все ночи она с искренним пылом отвечала на желание Дмитрия, пытаясь запомнить каждое движение и каждое слово молодого человека.

Спустя неделю у Дмитрия появились неотложные дела в военном ведомстве, и он отсутствовал почти целый день. Все это время Глаша прождала его у окна, расстроенная и нервная. Он появился под вечер, сухо ответил на ее вопрос и, безразлично поцеловав в лоб, переделся в вечерний фрак. После чего вновь куда-то уехал, ничего не объясняя. В тот миг, когда его карета исчезла за воротами, девушка впервые за неделю пребывания в доме Скарятиных расплакалась. Отчего-то она чувствовала, что Дмитрий уже не так относится к ней, как прежде, и, видимо, она не занимает в его сердце того высокого места, на которое надеялась.

Обидевшись на молодого человека, Глаша направилась на кухню и весь оставшийся вечер, несмотря на запрет Дмитрия, помогала Лукерье, чтобы хоть как-то занять свое время. В доме отца у нее всегда были дела и мало свободного времени. А теперь же по настоянию Дмитрия она была вынуждена бездельничать, и это стало для нее настоящей пыткой. Уже ближе к одиннадцати она поднялась в свою спальню. Умылась, расчесала волосы на ночь и уже собралась ложиться, но тут вернулся Дмитрий. Немного пьяный, шальной и бесшабашно веселый Скарятин показно извинился перед девушкой за свое неучливое поведение и, быстро заслужив прощения у влюбленной в него Глаши, как и в предыдущие дни, провел ночь в ее постели.

Наутро она спросила, где он был так долго вчера, и Дмитрий искренне ответил, что веселился на балу у Трубецких и весьма приятно провел время. После его признаний настроение девушки вмиг упало, но Дмитрий сделал вид, что не заметил этого. Затем они позавтракали, а вскоре, как и в предыдущий день, Скарятин уехал. Глаша, снова расстроенная и печальная, прождала его до обеда, а затем решила, что более не будет покорной куклой у окна. Она направилась в библиотеку, что располагалась на первом этаже особняка, и провела там большую часть дня. После Аглая, как и накануне, готовила с кухаркой на кухне, затем помогла девушкам-горничным расставлять цветы и убираться в многочисленных комнатах, предварительно переодевшись в свою старую одежду. Именно за этим занятием около шести вечера и застал ее Дмитрий. Увидев, что Глаша вытирает пыль в одной из комнат, он холодно и безапелляционно заявил, чтобы она немедленно прекратила. Далее после получасового наставительного разговора он властно заявил:

– И прошу вас, более не смейте убирать дом. Это унижительно!

– Но я скучаю без вас, – ответила Глаша, – безделье невыносимо для меня.

– В этом доме вы не прислуга, а моя гостья. И я требую, чтобы вы носили те наряды, которые я купил вам, и украшали себя для меня. Когда я возвращаюсь домой, вы должны быть в надлежащей форме, а не с тряпкой! Разве это трудно понять?

– Я понимаю. Но неужели мне не позволено ничего, кроме этого? – спросила тихо она.

– Нет! И не заставляйте меня пожалеть о том, что я оставил вас в своем доме!

После этой угрозы Глаша замерла и отчетливо ощутила, что ее сердце сжалось от ужаса. Она вмиг поняла, что Скарятин намекал на то, что может выгнать ее на улицу. Однако все ее существо уже было больно Дмитрием, и его жестокие слова вмиг заставили ее испугаться. Быстро подойдя к молодому человеку, Аглая обвила его шею ручками и ласково проворковала:

– Дмитрий Петрович, не будьте так жестоки. Я ведь люблю вас.

– Если это так, то будьте послушны, – заметил он холодно.

– Но позвольте мне хотя бы помогать на кухне?

– Я же сказал, нет, – жестко отрезал Скарятин, отстраняя от себя девушку и тем самым как бы наказывая ее. – Если вам угодно, можете читать в библиотеке, вышивать. Ну, пожалуй, в церковь Трех Святителей ходить, что рядом. И только.

С того разговора Глаша, боясь вызвать неудовольствие Дмитрия, исполняла все его требования. Дмитрий пропадал целыми днями. Лишь под ночь он возвращался с очередного бала, перебрасываясь с Глашей парой фраз, а затем брал ее на руки и переносил в постель. После бурного любовного соития он засыпал спокойным крепким сном, а Глаша еще долго смотрела на спящего молодого человека и думала лишь о том, как еще угодить ему. Утром изо дня в день Скарятин уезжал с визитами или по делам и возвращался лишь вечером. Часто они ужинали вместе, и Дмитрий рассказывал девушке о проведенном дне и очередном бале. Спустя еще некоторое время, видя, что Глаша безоговорочно предана ему, молодой человек совсем осмелел и, уже не стесняясь, рассказывал девушке о своих знакомых – не только о мужчинах, но и о женщинах. Он мог при Аглае заметить, что та или иная графиня весьма красива, и он намерен на предстоящем вечере добиваться расположения этой дамы. Аглая терпела весь его цинизм и безразличие, стараясь не показывать, как ей больно от его слов, ибо боялась, что молодой человек откажет ей в своем внимании.

Скарятин же, довольный, что наконец нашел такую покладистую нескандальную девушку, страстную в любовных утехах и не мешающую ему наслаждаться жизнью, с каждым днем все пренебрежительнее относился к Аглае, принимая ее любовь и прощение как нечто само собой разумеющееся.

Глаша же, страдая и тоскуя по ветреному возлюбленному, не знала, как еще привлечь Дмитрия к себе. Она понимала, что у нее, кроме красоты и покладистости, ничего нет. Уже через месяц она поняла, что Дмитрий не просто пренебрегает ею, а вообще ни во что не ставит ее чувства, раз ведет себя подобным образом. Она прекрасно сознавала, что он лишь использует ее для удовлетворения своей страсти в постели. И что при малейшем ее недовольстве Скарятин без сожаления выгонит ее из дома. Она чувствовала, что он ни капли не любит ее и не дорожит ею. Но ее любовь к этому неблагодарному холодному Скарятину с каждым днем становилась все сильнее, и с этим она ничего не могла поделать. Потому Глаша терпела, страдала, часто плакала, и лишь книги, которые она поглощала в большом количестве в библиотеке, стали ее отдушиной. Только ночью, когда Дмитрий возвращался, Глаша надевала на себя маску удовольствия, радости и счастья, дабы угодить любимому и не разочаровать его.

Однако спустя еще несколько недель, в начале августа, девушка поняла, что беременна. Лукерья, кухарка лет тридцати, с которой Глаша очень подружилась, после вопроса девушки осмотрела ее и заявила, что Аглая ждет ребенка. Это известие повергло Глашу сначала в дикую радость, а потом печаль. Уже до конца удостоверившись в холодности Дмитрия к себе, девушка не могла предугадать реакцию Скарятина на эту новость. Оттого решила молчать о своем положении сколько возможно, собираясь с духом и каждодневно откладывая признание.

Всю пятницу семнадцатого августа Аглая провела за изучением книги о путешествиях в далекой Индии некоего иностранца, которая была написана на французском языке. Еще покойная мать Глаши обучила ее французскому, но только теперь в доме Дмитрия девушке удалось усовершенствовать язык, пополняя знания новыми словами из французских книг, которые в изобилии имелись в библиотеке. Затем Аглая помогала на кухне Лукерье, а после сидела в гостиной, вышивая очередную небольшую скатерть из белого шелка.

Было уже около восьми, когда Глаша закончила вышивание и печально посмотрела на часы, думая о том, где же сейчас Дмитрий. Он говорил, что собирается на прием в Зимний дворец по случаю именин одной из царских дочерей. Невольно поправив локон, который лежал на ее плече, и придав ему нужный вид, Глаша вздохнула. Неожиданно она услышала шум подъезжающей кареты. Решив, что это Дмитрий, девушка быстро отложила вышивание на столик, стоящий рядом, и облизала губы. Чуть пощипав щеки, она приняла соблазнительную позу и уставилась напряженным взором на дверь.

Как и ожидала Аглая, уже через пару минут та распахнулась, и в комнату вошли четверо молодых людей. Удивленно ахнув, Глаша вскочила на ноги, не понимая, кто это такие. Они были в зеленой военной форме, возбужденные и веселые. Их лица были незнакомы Аглае, и она напряглась, нервно сжав пальцы. Молодые люди не сразу заметили девушку, и, войдя в гостиную, двое сразу же вальяжно уселись на диванчик, стоящий ближе всех. Третий, высокий темноволосый военный, первым заметил Аглаю и, тут же выпрямившись, уставился удивленным взором на девушку.

– Ба! Это что еще за диво? – заметил Дробецкий, не спуская взгляда с Глаши, которая испуганно смотрела на них широко открытыми глазами.

Последний молодой человек лет тридцати, шатен с серыми глазами, чуть выше среднего роста, тут же обернулся и замер посреди гостиной, невольно обратив свой взгляд на Аглаю, скромно стоящую у крайнего дивана. Взглядом, затуманенным вином, с интересом окинул стройную фигурку девушки в открытом палевом платье, покатые хрупкие плечи, высокую грудь, тонкую талию, округлые бедра и длинные ноги. Среднего роста, со светлыми локонами, которые кокетливо обрамляли ее юное прелестное личико, она показалась ему невозможно чарующей и легкой. Тонкие изысканные черты лица ее, прямой нос, ямочки на округлых щеках и темные глаза с пушистыми ресницами произвели странное впечатление на молодого человека. Он тут же как будто протрезвел и на нецензурный возглас одного из товарищей прикрикнул:

– Да тише вы! – Затем сероглазый молодой человек медленно приблизился к испуганной девушке. Придав своему лицу доброе выражение, он галантно поинтересовался: – Позвольте узнать, кто вы такая?

– Аглая Михайловна Кавелина, – тихо ответила Глаша, переводя свой темный взгляд по порядку на каждого из четырех молодых людей.

– Николай Петрович Скарятин, – представился молодой человек с добрыми серыми глазами и протянул руку. Аглая опомнилась и подала ему ручку. Николай Скарятин поцеловал пальчики девушки, и она быстро убрала руку в складки платья.

Видя удивление на лице Николая Петровича, она поняла, что, видимо, это брат Дмитрия, про которого он однажды упоминал.

– Я знакомая вашего брата, Дмитрия Николаевича. Извините, не буду вам мешать, – добавила Глаша и, быстро обойдя Николая Петровича, ретировалась из гостиной, оставив пьяную компанию в недоумении.

После ее стремительного ухода Дробецкий воскликнул:

– Просто слов нет, какая красotka! И что они находят в твоём братце, Николай, не понимаю? Вот мне бы такую краля.

– Иван Григорьевич, помолчи уже, – отмахнулся от него Николай Скарятин, направляясь к серванту за вином, все еще находясь под сильным впечатлением от прелестного видения девушки, которая вышла из гостиной. Достав четыре рюмки и две бутылки вина, он вернулся к друзьям. Не прошло и пяти минут, как в гостиной появился Дмитрий. Увидев брата, старший Скарятин, воскликнул:

– Николай?! Какими судьбами?

– Наш полк до весны перевели в Петербург, – ответил Николай, улыбаясь, подходя к Дмитрию и заключая его в объятия.

– Рад за тебя, – улыбнулся Дмитрий, обнимая брата.

– Выпьешь с нами? – предложил Николай.

– Пожалуй, – кивнул Дмитрий, усаживаясь напротив брата. Дмитрий залпом выпил бокал вина и, внимательно посмотрев на брата, спросил: – Как твоя служба?

– Да как обычно, – пожал плечами Николай и тоже задал вопрос: – А кто эта девушка, Аглая, кажется? Видели ее только что.

– Дочь купца. Живет со мной уже третий месяц, – просто ответил Дмитрий.

– Ты жениться надумал? – спросил удивленно Николай, зная, что брат в свои тридцать лет слыл заядлым холостяком.

– Нет, конечно, – усмехнулся Дмитрий. Николай протрезвел во второй раз и мрачно уставился на брата.

– Ты же знаешь, матушке не понравится, что ты любовницу в доме держишь, – заметил младший Скарятин.

– Матушка за границей, а когда вернется, одному Богу известно. А если даже и приедет, то сниму дом для Аглаи, что тут такого?

– Вот молодец, – не удержался пьяный Дробецкий. – И где он только находит таких милашек, да еще готовых на все? Дмитрий Петрович, научи хоть!

– Это не ваше дело, Дробецкий, – холодно заметил Дмитрий, вставая. Видя, что друзья брата сильно пьяны и вряд ли намерены говорить о чем-то разумном, он извинился и направился наверх в спальню Аглаи.

Немного нервный Скарятин вошел в комнату девушки. Глаша полулежала на кровати и читала. Увидев на пороге Дмитрия, она вскинула на него ласковые глаза и улыбнулась.

– Я ждала вас, – проворковала она.

Дмитрий улыбнулся ей в ответ и произнес:

– Так скучны эти балы. С вами гораздо интереснее, моя птичка.

Он подарил ей воздушный поцелуй и отправился в ванную комнату, на ходу расстегивая фрак. Глаша тут же отложила книгу и вмиг приняла соблазнительную позу. Любящим взглядом она долгое время смотрела на дверь, за которой были слышны всплески воды, и думала о том, что сегодня настроение Дмитрия весьма хорошее. И, возможно, ей удастся рассказать ему о ребенке. Наскоро ополоснувшись, Скарятин вышел из ванной уже в домашнем халате и туфлях.

Прелестный пеньюар и тонкая кружевная сорочка, которые были на девушке, вмиг взволновали воображение Дмитрия, и он тут же прилег рядом с ней на кровать, поцеловав страстно ручку Глаши. Девушка нежно провела по его темным вихрам и, улыбнувшись в его блестящие глаза, сладострастно вздохнула:

– Где вы были сегодня, Дмитрий Петрович? – спросила она ласково, прижимаясь к нему всем телом и перебирая темные пряди его волос на затылке.

Дмитрий устало поморщился и, откинувшись на спину, прикрыл глаза.

– Да так. Сначала во дворце, передал императору прошение о переводе в Петербург, затем поужинал с друзьями, а потом поехали к Разумовским на прием.

Скарятин кратко рассказал о том, как провел день, а Аглая терпеливо слушала его, заставляя себя улыбаться. Она выжидала лишь нужного момента, чтобы сказать Дмитрию о ребенке. Он говорил с воодушевлением и неким поэтизмом. Комментируя бал, с которого только что приехал, и дам, с которыми там танцевал, молодой человек неожиданно спросил:

– Я думаю, что княжна Разумовская все же лучше Паниной, как вы полагаете?

Опешив от его наглости, Аглая напряглась всем телом и проямлила:

– Вы хотите знать мое мнение, Дмитрий Петрович?

– Ну, нет, конечно... но все же интересно послушать кого-нибудь со стороны.

Он внимательно посмотрел на нее холодноватым и безразличным взглядом, от которого девушка похолодела.

Она побледнела и невольно положила руку на свой живот. Ошарашенно смотря перед собой, Глаша ощущала, что ей не хватает воздуха. Она была близка с этим мужчиной и любила его. К тому же ждала от него ребенка. А он так просто говорил о других женщинах, да еще и спрашивал у нее совета. Его цинизм показался Аглае столь чудовищным, что она, не сдержав-

шись, оттолкнула руку, которая лежала у нее на бедре, и, быстро встав, отошла к окну. Верно разгадав ее неудовольствие, Дмитрий заметил:

– Мне уже тридцать один год. Матушка давно просит меня жениться. Вот и думаю, что надо уже кого-нибудь выбрать...

Глаша резко повернулась к нему и в исступлении громко прошептала:

– А как же я? Обо мне вы подумали, Дмитрий Петрович?

Удивившись ее страстному выпад и молнии, которая промелькнула в прелестных глазах, Скарятин встал с постели и, нахмурившись, приблизился.

– Аглая, неужели вы настолько наивны, что могли предположить, что я могу жениться на вас? – задал он леденящий кровь вопрос.

Она смотрела на него таким чистым открытым взором, что Дмитрий смутился. Он чуть замялся, подбирая нужные слова, и произнес:

– Вы не дворянка. Вы бедны. Я не могу на вас жениться. Да, сейчас есть случаи, когда купцы рождаются с дворянами. Но тогда за невестой дают миллионное приданое. Это совсем не ваш случай. Все ваши достоинства, Аглая, – красивая внешность и покладистый характер.

– Благодарю, что вы так лестно оценили меня, Дмитрий Петрович! – воскликнула Глаша в сердцах и отвернулась от него.

Дмитрий сделал пару шагов к девушке, не понимая, что такого сказал, раз она так расстроилась. Властно положив руки на ее хрупкие плечи, он произнес:

– Смотрите реально на вещи. Видимо, вы напридумывали в своей головке невесту что. И теперь, когда не могу осуществить ваши невозможные мечты, я стал плохим? Вы должны смириться со своей жизнью, Аглая. Поверьте мне, она не так уж и плоха.

Не спрашивая ее согласия, Скарятин властно поднял девушку на руки и быстро перенес обратно на постель. Осторожно опустив Аглаю на кровать, он наклонился над ней и, давящим взором посмотрев на нее, заметил:

– Мне не нравится, когда у вас плохое настроение, Аглая. Прошу вас впредь быть более терпимой к моим словам. Иначе...

Он замолчал, ибо отчетливо увидел, как ее глаза увлажнились. Скарятин вдруг осознал, что, наверное, очень жестко говорил с ней. Решив загладить свою вину, он опустил лицо ниже и страстно поцеловал девушку. Поначалу холодная и безразличная к его поцелую, Глаша спустя несколько минут расслабилась и, обвив шею молодого человека ручками, с пылом начала отвечать на его ласки.

Глава IV. Николай

На следующий день Аглая проснулась в постели одна. Открыв глаза, она отметила, что каминные часы показывают почти восемь. Она услышала звук льющейся воды в ванной комнате и села на постели, оправляя волосы. Дмитрий вышел спустя пару минут, свежесбранный и розовощекий от умывания. В который раз Аглая с любовью отметила, что он невозможно красив, и белая рубашка, которая была на нем, чуть открывала грудь с темной порослью, а штаны отлично сидели на энергичных сильных ногах. Сглотнув, девушка потупила взгляд, когда он проходил мимо шкафу. Молодой человек проигнорировал настойчивое внимание Глаши и, достав нужные вещи, проворно уселся в кресло. Он начал натягивать на ноги короткие сапоги для верховой езды.

– Я позавтракаю один, – безапелляционно сказал Дмитрий, вставая с кресла и надевая темно-коричневый сюртук из казинета. – Мне надо сегодня раньше уйти.

– Куда вы сегодня? – спросила Глаша, подавляя в себе желание заплакать.

– На скачки, потом на открытие нового павильона в Летнем саду, а затем в Зимний дворец на прием в честь именин императрицы.

– Могу я поехать на скачки с вами? – вдруг спросила Глаша.

Руки Дмитрия замерли на верхних пуговицах сюртука, и он повернулся к ней.

– Со мной? – взгляд голубых глаз, неприятный и жесткий, смутил ее.

– Я не буду вам мешать, Дмитрий Петрович, – начала девушка просяще и, выпорхнув из постели, приблизилась к нему, на ходу накинув на обнаженное тело пеньюар. – Я только посмотрю со стороны.

– Ну, вы и рассмешили меня, Глаша! – прыснув, воскликнул Скарятин и вновь отвернулся к зеркалу, продолжая оправлять одежду. – Вам не место там.

– Почему? – не унималась девушка, показавшись в зеркале за его спиной.

– Что ж тут непонятного? – пожал плечами Дмитрий, смотря на отражение Аглаи. – В обществе не принято открыто появляться со своими пассиями на людях. Это, знаете ли, дурной тон. Любовница должна быть в тени, и никто не должен знать про нее. – Аглая опустила глаза и отвернулась. – Только прошу, избавьте меня от кислого выражения на вашем личике, – брезгливо заметил Дмитрий. – В последнее время вы стали очень нервной, моя птичка, мне это не нравится.

Глаша отошла от него и направилась в ванную комнату. Закрывшись, она долго умывалась, пытаясь сдержаться и не заплакать. Однако спустя четверть часа услышала, как хлопнула дверь. Поняв, что Дмитрий ушел, она тяжело села на край мраморной ванны и зарыдала. Она плакала тихо, но долго, около часа, чувствуя, что ее существование в доме Дмитрия невыносимо и гадко. Она понимала, что теперь, обесчещенная, ведущая жизнь сожительницы богатого дворянина, находится на самом дне социального общества, жестокого и обличающего все пороки. Людское осуждение и мораль, принятые в обществе, не позволяли ей надеяться на восстановление честного имени, после того как она лишилась девственности и прожила два с лишним месяца содержанкой в доме Дмитрия.

После вчерашних слов о том, что он и не собирается жениться на ней, и сегодняшних, когда он заклеил ее словом «любовница», Глаша словно прозрела и поняла, что все это время жила словно в сладостном наивном сне, не видя из-за своей пламенной влюбленности в Дмитрия очевидных вещей. Он никогда и не собирался жениться на ней, изначально относился как содержанке, не более того. А она, глупая наивная дурочка, думала, что он, возможно, сможет полюбить ее и затем жениться. Но теперь Глаша понимала, что попала в невыносимый капкан жесткой реальной жизни, где теперь у нее нет другого выхода, кроме как терпеть унижения от Дмитрия и дальше. Да, она могла уйти из его дома, но только под опеку и содержание

другого богатого господина или же в дом терпимости. Теперь ее тело и имя были запятнаны позорной связью со Скарятиним. И даже если бы она уехала в другой город, скрыв ото всех свое позорное прошлое сожительницы, вскоре и там стало бы известно о ее теперешних прегрешениях. Оттого выйти замуж за порядочного мещанина или купца она уже не могла.

Глаша понимала, что горячая слепая влюбленность в Дмитрия привела ее на край гибели. И она, глупая дурочка, долгое время даже не понимала всей трагичности своего положения. Все эти мысли вихрем пронеслись в головке девушки, и слезы никак не хотели останавливаться. Глаша понимала, что ее жизнь кончена, и теперь у нее была одна дорога – жить в тени и на дне осуждающего бескомпромиссного людского сообщества, которое никогда не простит ей ошибку, совершенную по наивности и неопытности.

Спустя полтора часа, около десяти, Глаша все же заставила себя спуститься вниз, дабы позавтракать и выйти на улицу. Надеясь, что прогулка до церкви успокоит ее.

В гостиной она наткнулась на Николая Петровича, который при ее появлении быстро встал с дивана, откинув в сторону газету.

– Доброе утро, Аглая Михайловна, – произнес он галантно.

Молодой человек был одет в домашний сюртук насыщенного бежевого оттенка, темные штаны и туфли. Его лицо, приятное и доброе, сразу же расположило ее.

– Доброе утро, – произнесла Аглая и проворно развернулась к двери, собираясь уйти, но он окликнул ее:

– Аглая Михайловна, постойте! – Глаша замерла и обернулась к молодому человеку. Николай добродушно улыбнулся ей и добавил: – Не уходите, прошу вас. Мне скучно завтракать одному. Могу я просить вас составить мне компанию?

Аглая смутилась, все же не решаясь остаться в гостиной с братом Дмитрием. Однако Скарятин проворно подошел к ней и протянул руку. Поняв, что он просит ее ручку для поцелуя, девушка окончательно смутилась. Дмитрий редко целовал ей пальцы, за все время знакомства всего пару раз. Она нерешительно подала Николаю Петровичу руку, наблюдая за тем, как молодой человек, который был на полголовы выше нее, галантно склонился и осторожно прикоснулся к ее пальцам. И тут Аглая отметила, что ей нравится, как он целует ее руку. Она пробежалась заинтересованным взглядом по его каштановым волнистым волосам, которые были коротко пострижены, и широким плечам. Когда он выпрямился, девушка внимательно посмотрела в его внимательные серые глаза и улыбнулась.

– Благодарю за приглашение, Николай Петрович, – тихо ответила она. – Я тоже не люблю трапезничать одна.

Николай предложил ей пройти в столовую, подставив локоть. Глаша, смущаясь, осторожно взялась пальчиками за его руку и последовала за ним в соседнюю комнату. Николай Петрович сам отодвинул ей стул, после того как вконец озадаченная Аглая села, он занял место напротив нее и позвонил в колокольчик. Глаша же, все еще смущаясь, начала тайком рассматривать Николая, пока он разговаривал со слугой о завтраке.

Внешность Николая не была так изыскана и великолепна, как у его брата. Двадцати восьми лет от роду, младший Скарятин имел приятное лицо с выразительными чертами и спокойными ласковыми серыми глазами. Он был худощав, широк в плечах и имел рост выше среднего. Его вежливая и добродушная манера общения сразу же располагала к себе людей. Оттого и Аглае он сразу понравился как собеседник.

Спустя полчаса общения с молодым человеком девушка почти забыла, что знакома с Николаем всего день. Он был вежлив с ней, добр и мил. Спрашивал Глашу о ее жизни, где она родилась, кто ее родители, как она познакомилась с его братом, чем занимается сейчас. Видя искренний интерес к себе, Аглая отвечала на все его вопросы, отчего-то совершенно не стесняясь. Николай Петрович внимательно слушал ее ответы, и девушке казалась, что Скарятин совершенно не напрягается по поводу того, что она простого происхождения и живет в их

доме в качестве любовницы его брата. После завтрака, узнав, что Глаша собралась в церковь, Николай Петрович предложил девушке проводить ее до паперти. В ответ Глаша быстро согласилась, радуясь тому, что ей не придется идти по шумной улице одной.

Николай проводил девушку до церкви и у входа спросил, долго ли она намерена пробыть там. Она ответила, что до окончания службы. На это молодой человек заметил, что ему надо по делам навестись ненадолго в свой полк, но к часу дня он освободится. И если Аглая пожелает дожидаться его, то он с удовольствием проводит ее домой. Она согласно кивнула и заметила, что до полвторого подождет его в церкви.

С тех пор у Глаши появился друг. Николай Петрович Скарятин со своим добрым нравом, галантными манерами и приветливым взглядом сразу же завоевал в сердце Глаши место человека, с которым было легко и свободно. Он как будто предугадывал все ее желания, добавлял в ее фразы нужные выражения и чувствовал ее настроение. Незаметно молодые люди стали проводить в обществе друг друга все больше и больше времени, и уже через неделю Глаша чувствовала себя так, будто всю жизнь знала молодого человека.

Николай был в увольнении на несколько месяцев, ибо его полк расквартировался до весны в столице. Лишь на пару часов в день он иногда уезжал по делам, а затем вновь возвращался в родительский особняк. Он тут же отыскивал Аглаю и любезно просил составить ему компанию.

Почти весь день молодые люди проводили вместе. Младший Скарятин учил Глашу верному произношению по-французски, разъяснял те или иные фразы на иностранном языке, помогал верно писать. Они вместе ездили в парки, посещали различные магазины Петербурга, например, чтобы купить подарки для матери Николая, гуляли по набережной и часто пили кофе в трактирах. Затем вместе обедали, а потом Николай помогал Глаше в оранжерее с цветами или сидел на кухне, рассказывая о своей службе, пока девушка и Лукерья готовили ужин. Вечером они трапезничали вместе, совершенно не уставая от общества друг от друга, а после сидели в гостиной за чтением стихов. Иногда по вечерам в музыкальной гостиной Николай что-нибудь играл на фортепьяно, а Глаша с удовольствием слушала. Сама она не умела музицировать и часто с сожалением вздыхала о том, что у нее не было возможности научиться нотной грамоте. Николай несколько раз предлагал нанять учителя музыки, дабы она смогла обучиться искусно играть на фортепьяно, как и он. Но Глаша застенчиво отвечала, что, если Дмитрий Петрович сочтет нужным, тогда это возможно. Николай Петрович предлагал сам поговорить об этом с братом, но девушка просила молодого человека не делать этого, боясь вызвать неудовольствие Дмитрия, который в последнее время стал к ней холодноват.

Николай казался ей интересным, любезным и добрым. Дни напролет он находился рядом с Аглаей, и она видела, что он искренне наслаждается ее обществом. Поначалу стеснительная в обществе Николая Петровича, Глаша спустя некоторое время ощутила, что молодой человек близок ей не только по мыслям, но и по духу. Он был такой же, как и она сама, открытый и добрый. Она чувствовала, что взгляд Николая, заботливый и нежный, постоянно обращенный на нее, приводит ее мысли и чувства в спокойное, умиротворенное состояние. Рядом с ним сердце девушки билось ровно. Его присутствие рядом, его любезный приятный тенор держали чувства Глаши в равновесии, до того времени, пока вечером в ее спальне не появлялся Дмитрий. Словно вихрь, старший Скарятин врвался в ее спокойный мир. Прямо с порога он говорил ей пару фраз о том, как она хороша и желанна, и его горящий немного диковатый взгляд вмиг возбуждал и будоражил все чувства и мысли девушки. В его руках Глаша забывала о своем умиротворении и спокойствии и отдавалась Дмитрию со всей страстью, на которую была способна. Лишь наутро, словно протрезвев и вновь опечалившись унижающим отношением к ней Дмитрия, Аглая как будто приходила в себя и начинала вновь осознавать свое трагичное положение в доме Скарятиных.

Однако уже к обеду в компании Николая боль и тоска по Дмитрию исчезали, и Аглая с удовольствием часы напролет проводила с младшим Скарятиным. Благодарная, любезная и улыбочивая, в обществе Николая Глаша начала осознавать, что Дмитрий не только использует ее, но и своим безразличием и равнодушием разрушает ее существо. С Дмитрием она постоянно была на нервах, боясь не угодить ему или сказать что-то не так. С Николаем же вела себя раскованно и была сама собой, совсем не заботясь о том, какое впечатление произведет.

Еще через какое-то время в головке девушки стали возникать постоянные мысли о том, чтобы оставить Дмитрия и прекратить это унижительное существование в его доме. Она думала уехать за границу и уже там попытаться построить новую жизнь. Возможно, на чужбине ей удастся скрыть свое позорное прошлое, и, если повезет, она сможет выйти замуж за порядочного человека. Однако дитя, которое уже жило под ее сердцем, удерживало Аглаю от решительных поступков. Она сознавала, что малыш не виноват в холодности отца. Ребенок был ее последним шансом изменить отношение Дмитрия к себе. Глаша ждала, надеялась и боялась разговора о ребенке. Но все же она желала этого, уповая на лучшее.

К середине сентября страдания Глаши стали невыносимыми. Дмитрий совсем не интересовался ею, постоянно отсутствуя дома. Весь долгий день девушка, мучимая тоской, проводила одна или в обществе Николая. Лишь поздно вечером, около десяти, Дмитрий появлялся на пороге ее спальни, шальной и немного пьяный, и, коротко осведомившись, как девушка провела день, без предисловий заявлял о своих правах на ее тело. Глаша безропотно соглашалась на его страстный призыв, каждый раз ища в его холодных красивых глазах хоть немного нежности по отношению к себе, но не находила. Под утро он стремительно покидал ее комнату, наскоро умывшись, ссылаясь на то, что ему надо нанести много визитов.

Накануне того трагичного дня Глаша с утра собралась в храм Трех Святителей. Николай, как и обычно в последнее время, проводил девушку в церковь и терпеливо остался ждать ее в крайнем переделе до конца службы. Глаша после исповеди вышла печальная. Ее глаза были полны слез. Николай попытался спросить, чем она так расстроена, но девушка лишь тяжело вздыхала и молчала. Разве она могла сказать, что батюшка строго высказал ей, что она блудница, раз живет с мужчиной, не будучи его женой? И ее будущее дитя будет несчастно, раз зачато вне брака.

Всю дорогу до дома Аглая молчала, однако все же держалась за предложенный локоть молодого человека. Николай правильно понял ее трагичное настроенное и старался не задавать лишних вопросов, боясь еще сильнее расстроить девушку. Попросив Николая оставить ее одну, Глаша провела остаток дня в одиночестве в своей спальне, ожидая Дмитрия и подбирая нужные слова для разговора. Именно сегодня она решилась наконец сказать Дмитрию о ребенке и решить дальнейшую свою судьбу.

Только около девяти вечера Дмитрий появился на пороге спальни девушки и прямо спросил:

– Вы плохо себя чувствуете? Николай сказал, – пояснил он. Глаша, отложив книгу, встала с кресла и печально улыбнулась ему.

– Николай Петрович напрасно беспокоится, я в порядке.

– Что ж, это радует, – пожал плечами Дмитрий, проходя в комнату и стягивая с себя военный китель. Глаша подошла к нему сзади, наблюдая, как он раздевается, снимая перчатки и портупею.

– Я скучала по вам, Дмитрий Петрович.

Скарятин скорчил кислую мину и даже не повернулся. Поняв, что это, возможно, нужный момент, Аглая подошла к молодому человеку вплотную и, прижавшись своим телом к его спине, обвила его торс руками. Дмитрий перестал расстегивать рубашку и повернулся. Его губы вмиг опустились на чело девушки, а руки с силой обвили ее талию. Глаша собралась с

мыслями. Она уже собиралась произнести давно задуманную фразу, как в этот миг ощутила, что от Скарятина невозможно сильно пахнет женскими духами. Смертельно побледнев, она резко разжала объятия и чуть отступила от него.

– Вы были с другой женщиной? – прошептала Глаша глухо, нахмурившись. Дмитрий медленно поднял голову и холодно взглянул на ее недовольное личико.

– Я должен перед вами отчитываться, Аглая Михайловна?

– Вы обнимали другую, ведь так? – не унималась она, поджав от обиды губки.

– И что ж? – спросил он с вызовом.

– А теперь приходите ко мне как ни в чем не бывало? – произнесла она, опешив.

– Вы мне не жена. И в верности я вам не клялся, – заметил Дмитрий мрачно, тут же нахмурившись.

– Да, я не жена вам. Но все же, если хоть немного дорожите мною, вы должны...

– Должен? – повышая голос, перебил ее Дмитрий и бесцеремонно рассмеялся прямо в лицо девушке. Глаша ахнула и отступила от него на несколько шагов, испуганно глядя на молодого человека. Скарятин резко прекратил смеяться, и его лицо стало жестким. – Я вам, моя дорогая, ничего не должен. Вы моя любовница, и только. И вы не имеете права ничего требовать. Да, я был с другой, и что же? Вас это не касается. Ваше дело быть послушной сейчас, а не устраивать мне сцены.

Он решительно сделал пару шагов к ней, и Глаша поняла, что он хочет обнять ее. Но это было выше ее сил. Возмущение достигло предела. Она отшатнулась от него и выставила вперед руку.

– Я не собираюсь это терпеть, сударь, – с чувством воскликнула она, отходя за кровать и непокорно сверкая на него темно-ореховыми глазами. – И сейчас, как вы выразились, я отказываю вам в своем расположении!

Он резко остановился и прищурился.

– Что это значит? – недовольно спросил Скарятин.

– Это значит, что сейчас я не хочу вас видеть! – с вызовом добавила она.

Опешив от ее поведения, Дмитрий остолбенел и непонимающим взором уставился на девушку. Еще никогда он не видел ее такой. Она всегда была покладистой и послушной. Теперь же она явно была не в духе и злилась, бросая на него яростные темные взгляды. Эта новая Аглая была непонятна ему и в то же время интересна. Скарятин вдруг осознал, что гневная страстная речь Глаши нравится ему не меньше, чем покладистость. В его сознании вмиг прокрутилась сцена ее непокорства, а затем то, как он своими поцелуями заставляет ее забыть о своем недовольстве и отдаться ему. Дмитрий прищурился и сделал несколько шагов к ней.

– Я прошу вас оставить меня одну, – произнесла Глаша холодно, пятясь от него.

– С чего бы это?! – взорвался он вдруг, но все же остановился. – Я хочу вами обладать сейчас и не собираюсь уходить!

– Тогда вам придется взять меня силой!

Молодой человек напрягся всем телом, ощущая страстный порыв, который охватил его. Но Аглая явно не желала близости. Напряженная, жесткая, натянутая поза ее говорила о том, что она не позволит ему ничего. Смотря в ее яркие огромные глаза, которые стали черными, Дмитрий долго молчал, поджав от досады губы. Он осознал, что своими неосмотрительными словами лишил себя интимного удовольствия на сегодня, а может, и на последующие дни.

Аглая видела, как ходят желваки на его скулах. Ее сердце бешено билось, она осознала, что этот мужчина, которого она любила без ума и от которого ждала ребенка, пренебрегает ею. Его коварство и холодность были невыносимы.

– Что ж, это даже забавно! – воскликнул вдруг зло Дмитрий, кинув на нее последний яростный взгляд, резко развернулся и направился к выходу из спальни.

Аглая вздрогнула от сильного удара двери о косяк, когда Скарятин, выходя, захлопнул ее. Заломив до боли руки, она осела на ковер и расплакалась. Она ощущала, что ее сердце разрывается от боли и бессилия что-либо изменить. Разговор, который она так долго готовила, подбирая нужные слова, не только не получился, но и превратился в мерзкое выяснение отношений с Дмитрием. Через некоторое время девушка услышала с улицы звук подъезжающей кареты. Быстро поднявшись на ноги, Глаша подбежала к окну и увидела, что Дмитрий Петрович, одетый в штатский костюм и плащ, сел в экипаж. А уже через минуту тот исчез за ажурными въездными воротами. Поняв, что Скарятин уехал, видимо, не собираясь ночевать дома, а возможно, вновь направляясь к той женщине, с которой был недавно, Глаша заплакала.

В ту ночь, почти не сомкнув глаз, Аглая постоянно представляла Дмитрия с другой женщиной. Печальные и бередящие душу картины его измен всплывали в ее мыслях, не давая расслабиться. Проснувшись на следующий день, уже с утра девушка почувствовала себя дурно. За завтраком она ощутила резкую боль в животе. Извинившись перед Николаем Петровичем, поднялась в спальню и прилегла. Но боль постоянно давала о себе знать. То мучая ее чрево, то отпуская, сильные тянущие боли не прекращались. В одиннадцать ее навестил Николай и предложил послать за доктором. Но Глаша ответила, что ей надо просто немного полежать. Николай согласился, но все же приказал горничной неотступно находиться при больной.

К двум часам дня боль внизу живота стала невыносима. К тому же у девушки началось сильное кровотечение. Едва горничная сообщила об этом Николаю Петровичу, он сам вскочил на лошадь и поскакал за доктором. Уже через полчаса тот был у постели больной и после быстрого осмотра попросил всех, кроме горничной Аглаи Михайловны, выйти из ее спальни.

К четырем часам все было кончено. Аглая потеряла ребенка. Всю мучительную процедуру, пока доктор осторожно чистил ее чрево от последа, Аглая молча глотала горькие слезы. Она чувствовала, что последний мерзкий разговор с Дмитрием и его холодность как-то виноваты в том, что Господь решил забрать ее малыша на небеса. С позволения Аглаи нерожденное дитя завернули в белые пеленки, и Николай собственноручно похоронил его в саду около розовых кустов. Около шести вечера он вернулся обратно в спальню к Аглае, мрачный и тихий. Смотря на неподвижно лежащую на постели девушку, Николай глухо произнес:

– Мне так жаль, Аглая Михайловна.

Глаша молчала, невидящим взглядом смотря перед собой. Николай Петрович подошел ближе к ее постели и, сев на стул рядом с ее кроватью, с нежностью посмотрел на девушку.

Ее красота, величественная, нежная, тихая и печальная, казалась Николаю совершенной. В Аглае не было и тени высокомерия и жеманства, как у многих девушек из дворянских семей. Она всегда была приветлива, улыбчива и добра. Ее мягкость, податливость, чувствительность, которые угадывались даже невооруженным глазом, уже завладели сердцем молодого человека. В моде были красотки с иссиня-черными волосами, светлыми глазами и яркими губами. Красота же Аглаи была довольно редкой. Николаю нравились ее светлые, почти белые волосы, темные яркие большие глаза, обрамленные черными ресницами, которые выделялись на фоне бледного личика так же, как и нежные алые губки. Ее красота, необычная, манящая, девственная и в то же самое время чувственная, волновала Николая, и он, дотоле равнодушный к женщинам, теперь воспылал к Аглае неистовой неподдельной страстью.

Последнее время непонятным образом Николай стал проводить в обществе девушки все свое время, совершенно этим не тяготясь. Они вместе гуляли, изучали книги в библиотеке, ходили в церковь, обедали в гостиной, говорили о разном и проводили длинные вечера у камина. И теперь печаль Аглаи задевала Николая за живое, и он подбирал слова, дабы утешить ее и смягчить душевную боль от потери ребенка.

– Извините меня за дерзость, – начал тихо Николай. И, лишь дождавшись, когда Глаша поднимет на него прелестные яркие глаза, продолжил: – Дмитрий знал, что вы ждете ребенка?

– Я не успела ему сказать, – прошептала она в ответ одними губами и вновь отвела взгляд.

Николай смотрел на нее, и ему безумно хотелось остаться с ней, утешить, обнять. Но он не мог. Он ощущал, что она тяготится сейчас его присутствием. И понимал, что она хочет остаться одна. Но не мог заставить себя уйти. Отчего-то в этот момент, смотря на бледное личико Аглаи и ее закрытые глаза, молодой человек вдруг осознал, что любит ее. Да, именно любит ее прелестный облик, тихий нрав, огромные печальные глаза, которые были самыми красивыми на свете. Но тут она прошептала:

– Вы бы могли оставить меня одну, Николай Петрович?

Этой просьбы Николай и боялся. Он вздрогнул всем телом и трагично посмотрел на бледное личико Глаши с закрытыми глазами.

– Да, конечно, – произнес он покорно и, опустив плечи, направился к двери.

Дмитрий вошел в парадную и тут же наткнулся на брата, который мерил нервными шагами пространство около лестницы. Заметив его, Николай резко остановился и выпрямился.

– Вот и ты, Дмитрий, наконец-то, – быстро выговорил Николай, мрачным взглядом следя за тем, как брат отдает дворецкому перчатки и плащ.

– Здравствуй, Николя, – улыбнулся Дмитрий.

– Мне надобно поговорить с тобой, – сказал Николай, остановившись рядом с братом.

– Сейчас?

– Да.

– Хорошо, пойдем в гостиную, – предложил Дмитрий, пожав плечами.

Когда они остались наедине, Николай остановился напротив брата и окинул Дмитрия мрачным взглядом.

– У Аглаи Михайловны сегодня был доктор, – пасмурно заметил Николай. Дмитрий удивленно вскинул брови и спросил:

– Она больна?

– Да, больна! – вдруг с вызовом произнес Николай. – Но ведь тебе все равно, так, Дмитрий? Балы и приемы важнее?

– Я не понимаю, о чем ты? – пожал плечами Дмитрий и прошествовал к шкафу со спиртным. Николай видел, как Скарятин стал медленно наливать в бокал вино, и это безразличие Дмитрия к судьбе Глаши вмиг вывело Николая из себя.

– Я знаю, что она лишь забава для тебя. Ты пользуешься ею, когда тебе это угодно!

– Что это еще за слова? – тут же встрепенулся Дмитрий, оборачиваясь к брату. – Да, я не обещался ей в вечной любви. Но Глаша благодарна мне за все, что я сделал для нее. До меня она была нищей. А теперь живет как подобает барышне. И не я, а мы пользуемся друг другом. Я – ее прелестями, она – моим богатством, что в этом такого? И вообще, не понимаю, тебе-то что за дело?

– Я всегда знал, что ты пренебрежителен к женщинам. Но теперь это переходит все границы! – взорвался Николай, подходя к Дмитрию. – А ты знаешь, что сегодня она потеряла ребенка?

– Ребенка? – опешил Дмитрий, и бокал со спиртным замер в сантиметре от его губ. – Какого ребенка?

– Твоего! – проклокотал Николай, испепеляя брата взглядом. Дмитрий со звоном поставил бокал на стол и отвернулся. Заложив руки за спину, он отошел к окну. – Она была тяжела от тебя, – уже более спокойно добавил Николай.

– Я не знал, – произнес глухо Дмитрий, не оборачиваясь. Он смотрел в одну точку, и отчего-то ему стало не по себе. Известие о том, что Глаша ждала ребенка и потеряла его, задело его за живое. Однако он тут же прогнал эти странные жалостливые мысли от себя.

– Ты должен изменить свое отношение к ней, – заметил наставительно Николай. – Она страдает от твоего безразличия.

Дмитрий резко повернулся к брату.

– Что же ты хочешь от меня? – встрепенулся Дмитрий. – Я все равно на ней не женюсь. Ты же знаешь, я холостяк, и мне нравится моя жизнь.

Николай молча смотрел на брата и понимал, что ничего не добьется. Вряд ли Дмитрий, который всегда относился к женщинам с высокомерием, мог полюбить Аглаю.

– Зачем же ты привез ее в наш дом? – глухо произнес Николай.

– Ее отец выгнал, когда застал нас вместе. Ну, я и пожалел ее.

– Пожалел? – выплюнул Николай. – Тебя послушать, так она лишь из жалости живет здесь?

– Сначала да. А затем... – Дмитрий цинично ухмыльнулся одними уголками губ. – Она, знаешь ли, слишком хороша в постели. Я решил оставить ее в качестве любовницы. Все эти пуританские высокомерные дамочки на балах далее ручки не заходят. А девки в борделях, наоборот, слишком развязны и холодны. А Аглая Михайловна меня вполне устраивает. Страстная, нежная и послушная...

– Избавь меня от своих циничных изречений! – взорвался Николай и, приблизившись к брату, добавил: – Что ты намерен делать дальше?

– А что я должен делать? Ну, потеряла ребенка, и что же? Это еще не конец света. Куплю ей какой-нибудь подарок, она и забудет свою печаль.

– И ты мой брат! – произнес трагично Николай. Отвернувшись от Дмитрия, он отошел, шепча одними губами, словно обращаясь к самому себе: – Если бы я мог заглушить ее боль... Если бы я мог излечить ее от тебя...

– Слушай, Николя, я не пойму, что ты так печешься об Аглае? – подозрительно произнес Дмитрий. – Или она тебе тоже по вкусу?

– Замолчи! – нервно воскликнул Николай.

Дмитрий прищурился, поняв, что задел брата за живое. Старший Скарятин медленно отрицательно замотал головой и произнес:

– Ты это брось, Николай. Она не нашего поля ягода. Я же знаю твои понятия о чести. Да, я не женюсь на Глаше. Но она будет жить в достатке. А ты, Николай, слишком чувствителен, тебе давно пора стать жестче.

– Таким, как ты? – выплюнул Николай. И с горечью в голосе, не спуская горящего взгляда с брата, трагично добавил: – Она же живая! У нее тоже есть свои чувства и страдания, неужели тебе все равно? – Дмитрий упорно молчал и лишь смотрел немигающим взглядом на брата. Лицо Николая вновь преобразилось. – Ты совсем не любишь ее! Вот отчего вся эта холодность и безразличие.

– Да, не люблю, и что же? – набычился Дмитрий.

– Так отпусти ее!

– А я ее и не держу! – так же с вызовом произнес Дмитрий. – Но она ведь не дура. Понимает, что здесь, при мне, ей лучше, чем в своем захудалом городишке. Кто ее там осчастливит? Мужик или купец какой-нибудь.

– Конечно, ты лучше купца, – съязвил Николай. – Да что я с тобой говорю, ты же совсем не слышишь меня.

Николай стремительно направился к двери, махнув на брата рукой. Он быстро поднялся наверх и приблизился к комнате Глаши. Он долго стоял около двери ее спальни, не решаясь войти. Слышал, как она медленно бродит по комнате и что-то печально напевает. Николай стоял и чувствовал нарастающее желание утешить девушку, спрятать от всех невзгод. Ощущал, что она слишком чувствительна и ранима. И что ее надо беречь, как драгоценный хрупкий цветок. Николай не понимал, как она могла попасться в лапы к такому бабнику и цинику, как Дмитрий. И прекрасно осознавал, что его брат никогда не оценит ее по достоинству. Измучен-

ный своими думами, Николай все же не решился постучаться в спальню Глаши и, терзаемый мрачными мыслями, направился в свою комнату.

Дмитрий долго стоял у окна, обдумывая слова брата. Он понимал, что должен пойти к Глаше и поговорить с ней обо всем. Возможно, ему придется утешать ее. Ему очень не хотелось видеть ее слезы, но он все же заставил себя подняться наверх. Едва Скарятин вошел в спальню девушки, Аглая, которая стояла у окна, стремительно повернулась к нему, словно ожидала его прихода. Он улыбнулся и безразлично заметил:

– Николай сказал мне, что у вас был доктор.

Дмитрий подошел к ней, и она порывисто приблизилась к нему. Он раскрыл объятья, и девушка с облегчением упала ему на грудь.

– Так хорошо, что вы пришли, Дмитрий Петрович, – проворковала Аглая ласково. Он как-то весь напрягся, чувствуя себя неловко от ее порыва и расположения к нему. Дмитрий не хотел, чтобы Аглая испытывала к нему сильные чувства, ибо не мог ответить ей тем же. Но эта ее фраза и горячие страстные объятья говорили ему в этот момент, что Глаша испытывает к нему нечто большее, нежели простое влечение. Дабы разрядить обстановку, он ласково провел ладонью по ее распущенным густым волосам и спросил:

– Отчего вы не сказали, что тяжелы?

Она подняла на него лицо, и он смутился от ее чистого, страстного и горящего взгляда.

– Сначала я не решалась, а потом... малыш умер...

Она вновь уткнулась личиком в его грудь, и Дмитрий ощутил, что ему не все равно. Ибо ее слова вызвали в нем странное чувство досады и горечи, оттого что они говорят об умершем ребенке. Он продолжал гладить ее по голове, пытаясь сосредоточиться и не дать себе расчувствоваться от ее боли.

– Может, это и к лучшему, – заметил он вдруг.

– К лучшему? – удивилась она, воззвись на него. – Это был наш ребенок, он жил под моим сердцем. Это крохотное существо, я любила его.

Он ласково обхватил пальцами ее за подбородок и повернул ее лицо к себе.

– Аглая, вы ведь понимаете, что этот ребенок все бы усложнил, – произнес Скарятин холодно, заглядывая в ее блестящие прелестные глаза. – Я все равно не смог бы признать его и дать ему свое имя. Конечно, я бы позаботился о нем. Но не более. Он был бы незаконнорожденным. А это не есть хорошо.

Она отвернулась от него, чувствуя, что снова вот-вот расплачется. Как он мог быть таким непробиваемым? Казалось, ничего не могло тронуть его. Глаша вдруг подумала, что у Дмитрия совсем нет сердца, раз он так спокойно говорит о потерянном малыше. Она ощущала холод, который исходил из его объятий. Не в силах более выносить безразличие молодого человека, она высвободилась из его сильных рук и чуть отошла. Невидящим от боли взором смотря в сумеречное окно, она произнесла:

– Я устала. Хочу прилечь, если позволите.

Дмитрий, обрадовавшись поводу вырваться наконец из этой угнетающей обстановки, быстро закивал.

– Да, да, я понимаю, – тихо сказал он, приблизившись к ней и легко целуя девушку в светловолосую макушку. – Отдыхайте, моя птичка, я не буду вам мешать.

Он ласково провел рукой по ее распущенным волосам и быстро исчез за дверью.

Глава V. Тайный знак

На праздник Рождества Пресвятой Богородицы, двадцать первого сентября, , Аглая с утра ходила в церковь в сопровождении Николая Петровича. Дмитрий уехал накануне и к утру так и не вернулся. Прошло уже пять дней с того дня, как она потеряла ребенка. Хотя Дмитрий и стал бывать дома чаще, все же его холодность и отстраненность были неизменны по отношению к девушке.

Единственной отдушиной для Аглаи стал Николай, который неотступно находился подле нее, участвуя в ее жизни. Вот и сегодня после церкви они вместе пообедали в мраморной гостиной. Затем Николай Петрович уединился в кабинете, собираясь написать пару писем, а Глаша отправилась в оранжерею. Около двух часов она провозилась с цветами, поливая их и обрабатывая от сорняков. Когда же она начала срезать излишние розы с кустов, чтобы затем поставить их в вазы, в оранжерее появился Николай. Одетый в легкий зеленый домашний сюртук, бежевые брюки и туфли, он показался Аглае довольно красивым. Его каштановые волосы, как и обычно, убранные назад, открывали приятное лицо.

– Аглая Михайловна, – начал Николай, приближаясь к ней. – Вы позволите мне помочь вам?

– Если вам будет угодно, Николай Петрович, – кивнула Аглая и улыбнулась, обрезая колючие цветы. Он начал помогать, не спуская взгляда с ее личика.

Присутствие Николая успокаивало девушку и в то же время вызывало в ней чувство неловкости и смущения, ибо Аглая инстинктивно ощущала, что нравится молодому человеку.

– Они такие колючие, – заметил Николай, пытаясь поймать ее взгляд. – И как вы не боитесь поранить ручки?

Она кокетливо улыбнулась ему и произнесла:

– В доме батюшки мы жили довольно скромно. Мне приходилось и за водой ходить, и грядки полоть. Я не такое нежное создание, как вы думаете, Николай Петрович.

– Нет, нет. Вы совсем не правы, – с горячностью замотал головой Николай. – Вы хрупкий нежный цветок. И вас надо оберегать...

Она подняла на него глаза, услышав в голосе молодого человека ласковые нотки. Он тут же взял ее ручку в свои ладони и устремил взор на ее взволнованное личико.

– Я не встречал девушки, подобной вам, – прошептал он страстно. – Вы чудесная, нежная, воздушная и невозможно прекрасная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.